Ольга Громыко

Крысявки

крысиное житие в байках и картинках

SHOUT
SHARE
IT

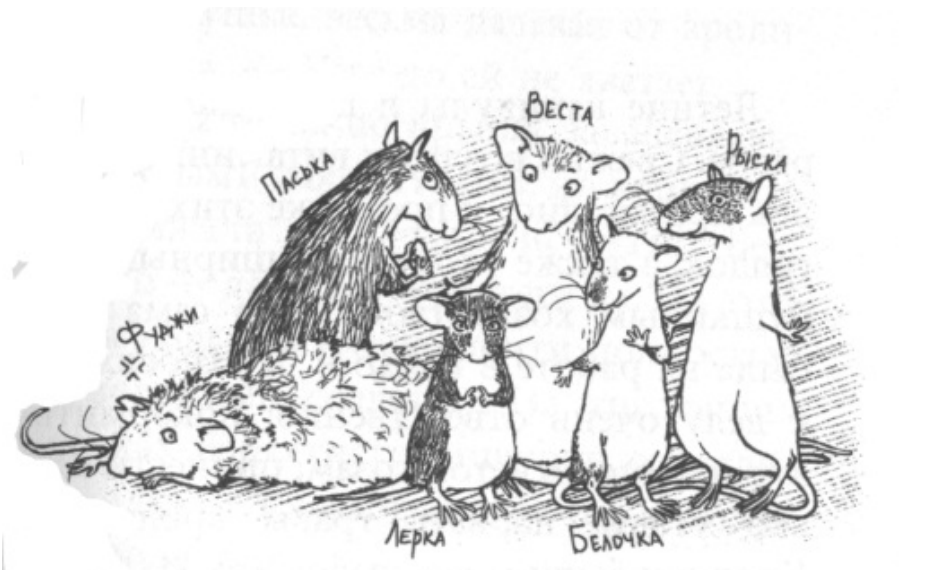
Annotation

Эта книжка для тех, у кого были декоративные крысы. Приятно вспомнить!

Эта книжка для тех, у кого они давно есть. Интересно сравнить!

Эта книжка для тех, у кого они недавно. Полезно узнать о них как можно больше!

Эта книжка для тех, у кого они будут. Возможно, как раз после этой книжки!



- Содержание
  - 1. Самый Страшный Зверь
  - 2. «Год Крысы»
  - 3. Суровые Минские Заводчики
  - 4. Крысявки
  - 5. Зов предков
  - 6. Фуджи. история первая
  - 7. Пасюковна
  - Глава 7
  - 9. «Сы-ы-ыр!»
  - 10. Фуджи. история третья, подлость четвертая
  - 11. Сам себе ветеринар

- 12. Крысиная охота
- 13. Коса на камень
-
- 14. Главное — Хвост!
- 15. Про Злую Крысу
- 16. Клещ не пройдет!
- 17. Держи вора!
  - 18. О вреде вкусной и нездоровой пищи
  - 19. Крысы и дети
  - 20. Три стадии крысомании
  - 21. Про понаехавших
  - 22. Крысы — Мелкие Писы
  - 23. Женское общежитие и общеразвратие
  - 24. Крысота
  - 25. Крысозвезды
  - 26. Мальчики — налево, девочки — направо!
  - 27. Мать-героиня
  - 28. Крысы и яйтсы
  - 29. Газовая атака
  - 30. Великокрысиный пост
  - 31. Радуга
  - Краткий словарь Сурового Минского Заводчика

Содержание

Ольга Громыко
Крысявки. Крысиное житие в байках и картинках

1. Самый Страшный Зверь

Летние каникулы я проводила в деревне. Свежий воздух и витамины с грядок прилагались к прополке этих самых грядок, а также уходу за обширным бабушкиным хозяйством, пока сама она была на работе в колхозе. Я относилась к делу очень ответственно: покормить кур, наломать веток козам, принести ряски уткам, нарвать травы кроликам. Кролики были моей слабостью. Их завели по моей просьбе, и занималась ими только я — и клетки чистила, и кормила, и подбирала производителей.

И вот, после двух лет суровых генетических экспериментов, мои труды увенчались успехом: любимая крольчиха родила шесть очаровательных малышей редкого и интересного окраса. Три дня я скакала от радости и поминутно бегала проверять, как они растут, а потом малявки начали куда-то пропадать, по одному за ночь.

— Наверное, крольчиха ест, — заключила бабушка, весьма далекая от кролиководства. — Чего-то ей не хватает.

Клетка была по крышу завалена витаминными лакомствами, но крольчата продолжали бесследно исчезать. Бесследно — до четвертой жертвы. На этот раз я нашла в клетке почти полностью обглоданный скелетик. На уцелевших клочках бархатистой шкурки отчетливо виднелись отпечатки зубов. Мелких, не кроличьих.

—Крысы, — уверенно сказал сосед, когда я показала ему страшную улику. — У нас они и цыплят таскают, не только крольчат. Надо ловушки ставить.

Из ловушек у нас нашлась только мышеловка. Как показали ночные испытания, крысе она ущерба не нанесла. Разве что моральный, который был не настолько велик, чтобы помешать ей сожрать кусок колбасы с крючка. И предпоследнего крольчонка.

Бабушка пообещала принести с работы крысоловку, а до этого мы с двоюродной сестрой вооружились поленьями и организовали дежурство у клетки.

...Дело шло к вечеру, сарай был открыт, я сидела у самой клетки — и тут внутри поднялся писк и копошение.

Я бросилась к ней, заглянула сквозь прутья — и впервые столкнулась взглядом с Серой Крысой.

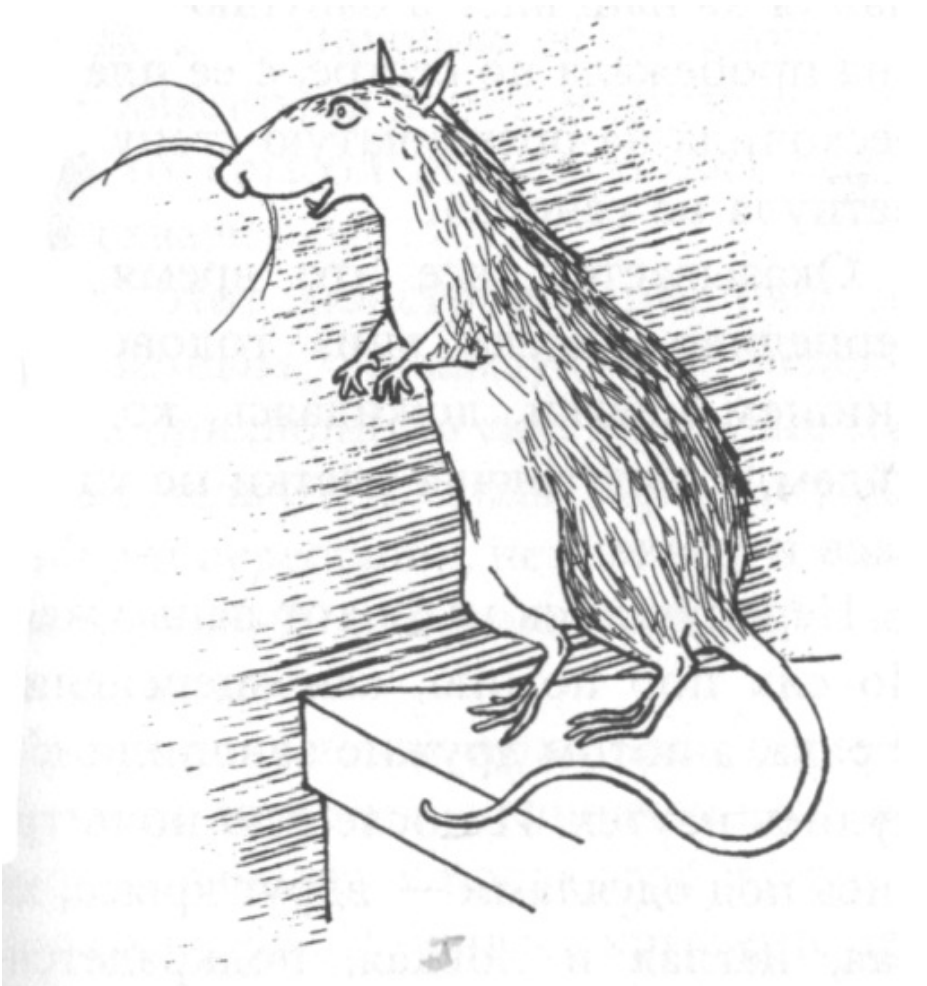
Тварь показалась мне размером почти с крольчиху, в ужасе мечущуюся рядом, — крыса же стояла неподвижно, как статуя.

Несколько бесконечных секунд мы таращились друг на друга, потом зверюга метнулась в сторону и ртутью просочилась в щель

между досками.

Дежурить было уже незачем. Крыса убивала профессионально — одним укусом в основание черепа.

Вечером бабушка принесла самодельную крысоловку-давилку: две доски, с одной стороны скрепленные скобой, а с другой — распорка высотой сантиметров десять, к которой крепилась приманка. Сверху лежал кирпич.



Разобравшись в адском устройстве, я зарядила его и водрузила на крышку клетки. Клетка вздрогнула — ив тот же миг из-под ее днища выскочила та самая огромная крыса. Не обращая внимания на наш визг и бабушкину палку, она пробежала по сестре, с ее плеча перескочила на бревенчатую стену и улепетнула на сеновал.

Оказывается, все это время тварь терпеливо висела вниз головой под днищем клетки, дожидаясь, когда мы уйдем, но от

толчка клетки не удержалась и упала.

Перепугались мы в тот день ужасно. До сих пор помню, как оцепенели от страха, а потом дружно завопили и кинулись наутек. И после всю ночь тряслись под одеялами — вдруг крыса, хитрая, наглая и ловкая, подкрадется и прогрызет головы и нам?!

Утром я с порога увидела, что ловушка захлопнулась.

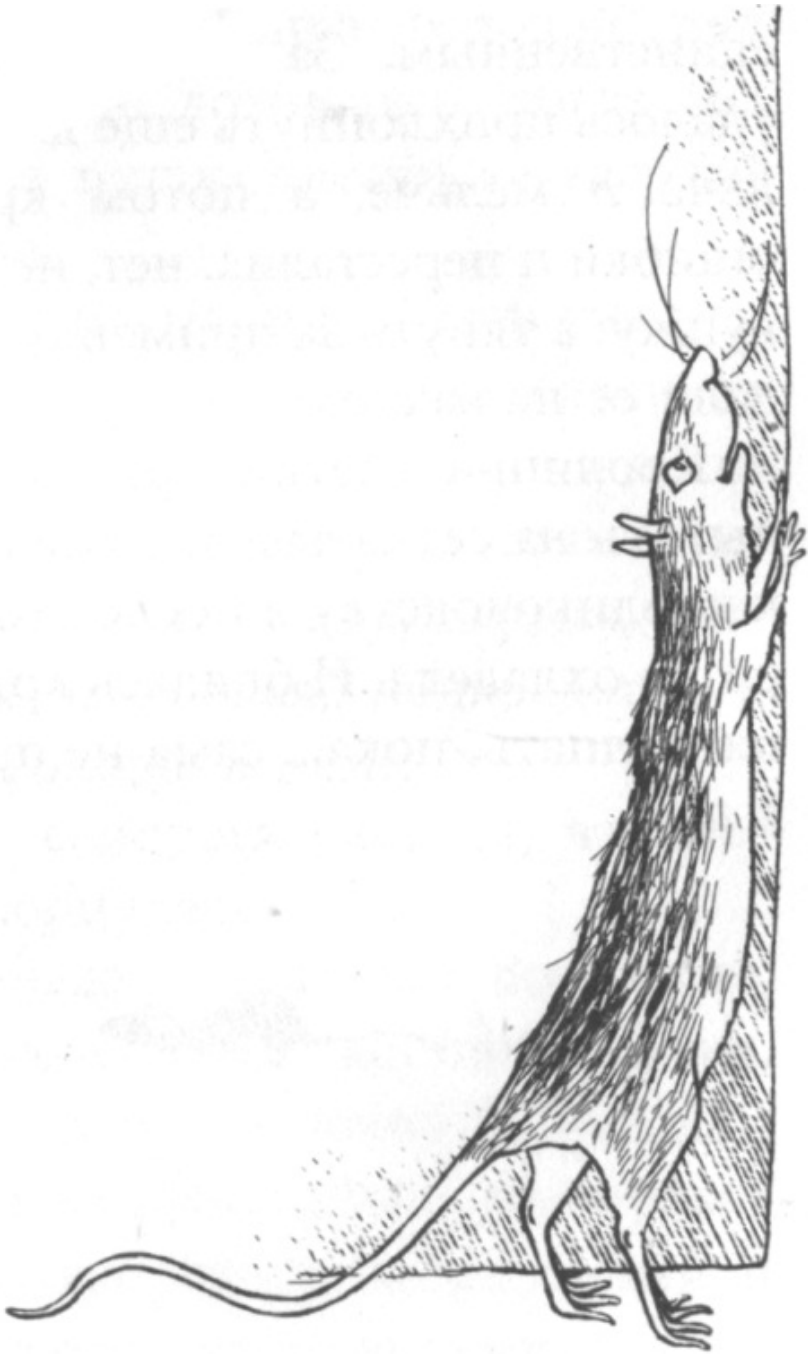
Крыса была огромная. Возможно, этому поспособствовал кирпич давилки, но в длину он бы ее точно не расплющил. Кроличья убийца была размером с доску, и только хвост, здоровенный и бурый, целиком свисал наружу.

Я бросила тушку коту, и тот, зарычав, как лев, поволок ее со двора — видно, хвастаться перед подружками. С живой-то крысой редкая кошка осмелится схватиться!

Увы, этот монстр в сарае был не единственным. За следующую неделю удалось прихлопнуть еще двоих, все мельче и мельче, а потом крысы учли ошибки и перестали... нет, не лезть в ловушку, а тянуть за приманку. Они объедали ее на месте.

Кроличьи клетки пришлось переделывать на сетчатые, мелкоячеистые, но к кролиководству я после этой истории резко охладела. И боялась крыс еще лет пятнадцать, пока... сама не принесла их в дом.

P.S. Дикий взрослый пасюк способен пролезть в двухсантиметровую дырочку и прыгнуть с места на метр, а с разбега на два. Декоративная крыса порой застревает и недолетает, но все равно старается.



2. «Год Крысы»

Иногда писателям приходится проделывать странные вещи. Например, бродить по подвалу с зажигалкой (проверяя, на сколько ее хватит и что с ее помощью можно разглядеть), изучать съедобные грибы по самоучителю (издание 7-е, дополненное и исправленное) и читать невыносимо скучные справочники по физике (без особого успеха, но я хотя бы попыталась!). Или заводить крысу, чтобы правдоподобно описать ее повадки.

Наверное, ради предельной достоверности мне следовало поехать в родную деревню и поймать себе дикого пасюка, выйдя на него один на один с сачком для бабочек. Но я малодушно решила ограничиться декоративным крысенком с рынка.

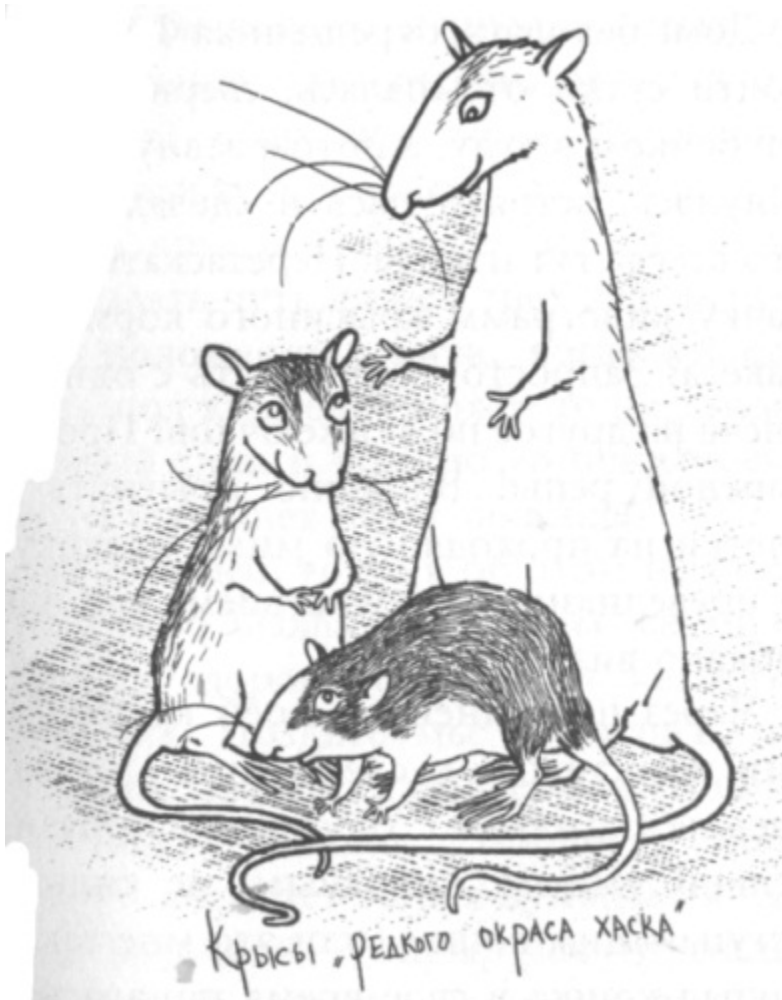
Дело было в марте, погода никак не могла определиться между зимой и весной (впрочем, в Беларуси они особо и не различаются). Крысы всех размеров и цветов мерзли в маленьком пластиковом аквариуме с дырками, сбившись в кучу, из которой торчали только кончики печально насупленных мордочек.

И только один маленький черно-белый крысенок сидел особняком и грыз сухарик, презрительно игнорируя удары судьбы.

— Это девочка? — придирчиво спросила я. Как я успела прочитать в Интернете, девочки были мельче и меньше пахли. Для крысофоба самое то.

— Девочка-девочка! — заверила меня говорливая торговка, сноровисто пакуя крысенка в... пустой картонный пакетик из-под косметики. — Причем очень редкого и интересного окраса — хаска!

Позже выяснилось, что «очень редкий и интересный окрас» считается чуть ли не браком, потому что это не цвет, а изменение цвета с возрастом (см. словарь). Когда оно вылезает в неподходящий момент, крысоводы очень ругаются. Но тогда с меня за него содрали в полтора раза больше, чем за простую белую крысу.



Дома бедолага, окрещенная Фалькой, почти сутки отсыпалась, свернувшись клубочком в углу, а потом зевнула, потянулась, встряхнулась и сделала вид, что всегда тут и жила. Перетаскать в заначку килограмм крысиного корма из пакета? Запросто! Перебежать с одного плеча на другое по дужке очков? Проще пареной репы! Внезапно прыгнуть с клетки на проходящую мимо хозяйку? С превеликим удовольствием, она так забавно визжит!

Через пару дней от моей крысофобии не осталось и следа. Крыса оказалась не «хомяком с хвостом», а поразительно умным животным, не сильно уступающим кошке (или это мне такая глупая кошка в свое время попалась?). Она прекрасно разбиралась в человеческих интонациях и настроении, играла с рукой, как щенок, и приходила меня утешать, когда я грустила: сядет на плечо и что-то тихонько шепчет в ухо, а то и вылизывает соленую щеку.

Спустя неделю непреодолимые обстоятельства (две штуки, белые и пушистые) вынудили меня переименовать Фальку в Фалька. Такое с рыночными крысами бывает: их начинают продавать чуть ли не с трех недель против положенных пяти, когда определить пол крысенка может только наметанный глаз, и обычно «в приданое» к зверюшке идет букет болезней.

К счастью, тогда я об этом не подозревала, а Фальк был таким же живучим и здоровым, как его книжный двойник. Позднее мы убедились, что имя оказывает на характер крысы поразительное влияние. Назови ее Холерой — вырастет тощая лупоглазая глиста, Белочкой — прыгучая трусишка, Кахексией — мышь размером чуть побольше полевки. Из Фалька получился мизантропичный, наглый и кусачий крысак, снежно-белый с черными глазами (ах ты ж моя хасочка!). Меня он по-прежнему обожал, но остальные члены семьи, родственники и гости очень скоро обзавелись памятными шрамами, а Фальк — кучей обидных кличек, которые он высокомерно игнорировал. Муза из него вышла превосходная, только успевай записывать:

«В один прекрасный день Фальк обнаружил, что у хозяйки имеется не только халат, по которому так удобно бегать, цепляясь коготками за махрушки, но и подхалатье. Все утро крысак с восторгом сновал между футболкой и халатом и так проникся этим делом, что выудить его удалось далеко не с первой попытки.

Когда вечером я вернулась к компьютеру и выпустила Фалька из клетки, крысак прямой наводкой взлетел по моей руке до плеча и нырнул за шиворот. Поймать его я не успела — зазвонил телефон.

— Здравствуй, Оля! — загремел в трубке нервный голос свекрови. — Как вы там поживаете?

Как раз в этот момент Фальк обнаружил одно прискорбное обстоятельство: к вечеру потеплело, и футболки под халатом не оказалось.

Я нецензурно взвизгнула. Крысак со столь же гневным воплем ухнул вниз и повис на тесемке между чашечками лифчика, подгребая задними лапками и хвостом.

— Что случилось? — мигом насторожилась свекровь.

— Да этот... мерзкий волосатый са-мэц...

Фальк быстро сориентировался в обстановке и, подтянувшись, протиснулся в левую чашечку.

— И что же такое он делает? — очень нехорошим тоном осведомилась свекровь.

«Опа! — восхитился Фальк, добравшись до самого потаенного. — Красотища-то какая!»

— Лижет! — взвизгнула я, пытаясь ухом удерживать трубку,

одной рукой печатать на компьютере, а второй вылавливать маньяка, который, почуяв облаву, с крысиной ловкостью просочился в правое отделение.

— Где?!

— Там!!! — Я, не выдержав, вскочила и уронила трубку. На ногу мужу, некстати зашедшему в кабинет.

— За что мне такой позор и поношение?! — оскорбленно возопил он.

— Это все он! — поспешила отпереться я, тыча пальцем в волнительно шевелящуюся грудь.

— А ну-ка иди сюда, животное! — Обиженный супруг воинственно сунул руку в «крысиную нору».

Фальк ревниво укусил конкурента за палец.

— Вот мерзавец! — охнул муж и, выдернув руку с зажатым с ней крысом, грозно потряс его перед своим носом. Раскаяния на ушастой морде не наблюдалось ни на один ус. — Ну я тебе сейчас покажу!

— Отпусти, ты его задушишь! — запрыгала я вокруг «конкурентов».

Стоило мужу чуть разжать кулак, как Фальк ловко из него выскользнул, перепрыгнул ко мне на плечо и затаился под волосами.

— А что это у нас телефон на полу валяется? — оглядевшись, спохватился муж.

Когда мы подняли трубку, в ней уже были длинные валокординовые гудки».

Зато книга обогатилась новой сценой.

За полгода я успела перечитать столько литературы о крысах, что стала заправским крысоведом, а дикие под-псдъездные пасюки, порой перебегающие жильцам дорогу, казались мне старыми знакомыми. Любопытно, что пасюки это тоже почувствовали и шугаться от меня перестали. Иногда даже удавалось покормить их батоном — правда, не с рук, но на метр они подходили без особой опаски. Животное как животное, ничуть не страшнее бродячей кошки или голубя.

Эту идиллию омрачало только одно: я переживала, что бедный Фальк страдает без общества себе подобных, а я не могу уделять ему достаточно времени. Заводить же вторую крысу я не хотела, и когда Фальком стала восторгаться знакомая заводчица — дескать, какой роскошный генофонд! — генофонд был с печалью передан ей. И успешно размножен, на чем моя крысиная эпопея вроде бы закончилась.

Хорошо, что я писала книжку не про змей или, упаси боже, крокодилов. Крокодила в ванне домашние бы точно не

выдержали.

P.S. Крысявка с белыми и пушистыми — далеко не самое страшное, что может подсунуть вам алчный или просто некомпетентный торговец. Крысявка с начинкой из еще десятка куда хуже, особенно если ей всего месяц от роду и она успела простыть на ветру и морозе.

.

3. Суровые Минские Заводчики

Не прошло и месяца после разлуки с Фальком, как я с изумлением осознала, что без крысы мне скучно, ХОЛОДНО и одиноко — несмотря на рыбок, кроликов и даже ребенка.

Немного помаявшись, я списалась по Интернету со знакомой по минской выставке, у которой жило несколько крыс. Вообще-то с клубами любителей животных я стараюсь не связываться (увы, зачастую это клубы человеконенавистников), но тут мне захотелось конкретную крысу — черноглазую сиамку или гималайку, редкую в тот момент не только в Минске, но и в Москве.

Знакомая ответила, что сиамок в местном питомнике сейчас нет, зато есть кепочки, вот ссылка. Крысы были ничего такие, забавные. К сожалению, самую симпатичную кры-сявку уже забронировали. Я начала присматриваться к ее сестренке, но потом увидела фотографию их матери и разочаровалась. Я люблю длинномордых, как бультерьеры, крыс, а у этой пыся была коротенькая.

— А у вас нет «таких же, но с перламутровыми пуговицами»? — спросила я.

И тут знакомая совершила фатальную ошибку.

— Есть тут у нас один помет... — помявшись, сообщила она. — Только его пока никому не показывают...

Естественно, секретный помет меня безумно заинтриговал. Я стала ныть и клянчить, что ж там за крысы такие, и, наконец, добилась фотографий.

На одиннадцатой мое сердце екнуло. Крысявка была белоснежная, черноглазая, с темной «кепочкой» и воротником из мелких-мелких пятнышек.

— Все, беру эту!

Подруга замялась.

— Боюсь, тебе ее не продадут, — сочувственно сказала она. — Там очень заводчики суровые...

Это было последней каплей в чаше моей нелюбви к фанатичным заводчикам. Я, дипломированный биолог, недостойна какой-то крысы! Тайное общество минских крысоводов подпольно разводит их и распределяет только среди своих, а простым людям недоступны эти дивные создания!

— Давай координаты, — решительно сказала я. — Сейчас я их сама... разведу!

Получив координаты Суровой Минской Заводчицы (СМЗ) Ани, я с ходу взяла быка за рога, то бишь крысу за хвост.

— Здравствуйте! — медоточиво пропела я в телефонную трубку. — Я хотела бы приобрести у вас крысу номер одиннадцать Р-помета!

— А откуда вы знаете о нашем секретном помете? — подозрительно осведомилась заводчица.

— У меня свои секретные источники, — гордо сказала я. — Так как?

— Я вышлю вам анкету, вы ее заполните, а потом поговорим более тесно, — сурово ответили мне, и я почувствовала себя неофитом в темной сырой пещере, в окружении фигур в белых колпаках и с чадящими факелами.

...По прочтении анкеты у меня остался только один вопрос: как эти нежные, капризные и болезненные создания смогли дожить до наших дней без опеки и заботы человека?! «Какой размер клетки» и «Чем вы собираетесь кормить вашу крысу» я еще стерпела (правильные ответы, кстати, находились на сайте питомника, достаточно было скопировать). Но на фразе «курит ли кто-нибудь в вашем доме и сможете ли вы оградить крысу от его влияния» мой мозг вскипел. В анкете отчетливо не хватало пунктов «справка о доходах» и «заключение психиатра».

Засучив рукава, я принялась со злодейским хихиканьем заполнять анкету. Питание? Я буду ежедневно варить крысе осетрину и королевских креветок без соли, сахара и специй! Сколько у меня было крыс? Сотни! И все дожили до десяти лет, тихо скончавшись ночью во сне. Я до сих пор ежемесячно хожу оплакивать их на маленькое фамильное кладбище. Курильщики? Знаете, мой муж мне и самой давно уже не нравится, будет повод с ним расстаться! Размер клетки? Три на пять метров! К тому же крыса будет гулять весь день. Впрочем, нет: я выеду из квартиры и отдам ее крысявке в вечное пользование. Предварительно выполов все провода, увесив потолок гамаками и оклеив стены экологически чистыми обоями на собственноручно сваренном из кукурузного крахмала клейстере.

Между делом я показала анкету нынешней хозяйке Фалька.

— Ты с ума сошла! — возопила она. — Не смей брать у них крысу! Они же будут теперь ходить к тебе с внезапными инспекциями среди ночи, дабы понюхать, не пахнет ли воздух табачным дымом!

— У меня дверь железная, — неуверенно сказала я, прикидывая, не купить ли мне действительно крысу на рынке: и в пять раз дешевле, и никакой ответственности.

Ознакомившись с анкетой, СМЗ Аня многозначительно написала мне: «Подождите, я должна посоветоваться с коллегами».

Совещание длилось около часа. Видно, меня пробивали по черному списку — вдруг я маньяк-крысоед?! Я уже собиралась идти спать — как и все порядочные темные мессы, дело происходило глубокой ночью, — когда мне, наконец, пришел ответ: «Хорошо, я ее за вами запишу».

— Ура! — заорала я, напугав мирно спящего мужа, и с чувством выполненного долга отправилась в постель.

P.S. К сожалению, очень часто люди хотят купить крысявку «в подарок» («по приколу», «попугать тещу» или «на год Крысы», после чего подарок оказывается на помойке), «для разведения» (что потом с этим табуном делать, люди не задумываются) или ребенку в качестве живой игрушки, так что Суровые Минские Заводчики лютуют не напрасно. Но курящего мужа из дома выгонять все равно не стоит.

4. Крысявки

Через несколько дней, на всякий случай перечитав крысоводческие инструкции (вдруг меня ждет устный допрос на месте?!), я отправилась за Рыс-кой, чувствуя себя оперативником, обманом внедрившимся в бандитское логово. И не зная, вернусь ли я с крысой — или с синяком под глазом.

К счастью, при личном знакомстве Суровые Минские Заводчики оказались куда более приятными людьми, чем представлялось по их анкетам. Покаявшись и потискав дюжину разнокалиберных крыс (одна меня укусила, разглядев мою черную и коварную сущность), я забрала Рыску и торжественно отправилась домой на такси.

— Это чего у вас там? — заинтересовался таксист, заметив крысявку в зеркало заднего вида: Рыска упорно вылезала из-под куртки с целью навеки поселиться в машине (последний шанс избежать скорбной участи моего домашнего животного), но я всякий раз успевала ее перехватить и запихнуть обратно.

— Да вот, крысу купила... домой везу...

— Что ж это за крыса такая ценная, чтоб такси ради нее гонять? — изумился мужик. — Вон у меня знакомая их Даром раздавать не успевает...

Я вежливо промолчала, решив не пересказывать ему эпопею с покупкой крысявки. А то еще высадит, усомнившись в моем

душевном здоровье.

Крысявка, которая у заводчицы была бодра и весела, по внесении в квартиру загоревала, сообразив, куда попала. Запущенная в клетку, она прямиком метнулась к пластиковому домику и забаррикадировалась изнутри салфетками.

Прошел час. Два. Три.

Я забеспокоилась и потыкала крысу пальцем. Крыса была подозрительно неживая. Я подергала ее за хвостик. Крыса в агонии вцепилась всеми лапами в подстилку, не желая покидать свой маленький уютный гробик. Не вышла она и вечером. И утром тоже не вышла. И еще три дня я видела максимум кончик ее мордочки в окошке. Что она там все-таки не приклеилась, я определяла только по цепочке какашек в наполнителе, появлявшейся за ночь. Днем она не вылезала даже поесть, приходилось подсовывать лакомства к самому окошку, и то крысявка изображала чахнущую от туберкулеза девицу, которой все не мило.

Я уже всерьез прикидывала, как буду оправдываться перед заводчицей, уморив на чужбине ее кровинушку, но на четвертый день Рыска смилостивилась и при виде кусочка хурмы показала фокус: прошла навстречу мне сквозь стену клетки эффектнее и изящнее Копперфильда.

Увы, вместо бурных аплодисментов хозяйка издала вопль ужаса, сообразив, что эта поганка уже неделю невозбранно разгуливает ночами по комнате среди компьютерных проводов, а паче того — аквариумных шлангов. Оскорбленная в лучших чувствах крыса была засажена в треснутый аквариум, где и просидела два дня, сетуя на несправедливость судьбы, пока мне наконец не привезли новую клетку с более частыми прутьями.

Смирившись с тяжелой участью похищенной драконом принцессы, Рыска начала потихоньку обживаться на новом месте. Особенно ей полюбилась работа в соавторстве: крысявка ныряла ко мне за шиворот, перебегала в правый рукав, высовывала из него кончик мордочки и задремывала. Вскоре крыса перестала вздрагивать от стука клавиатуры и щелчков «мышки», а я приловчилась набирать одной левой рукой, чтобы не тревожить «соавторшу».

Еще у Рыски оказалась «очаровательная» привычка страшно скрежетать зубами, сидя у меня на плече. Звук был такой, будто она методично перекусывает по волоску из моей так старательно отращиваемой гривы. Нет, Фальк тоже пощелкивал зубами от удовольствия, все крысы выражают так свое одобрение, но Рыска открыла новую тональность в этом незамысловатом звуке. С ней можно было снимать фильм ужасов «Мышь»: когда главге-роиня в

полупрозрачном пеньюаре дрожит под одеялом в темном пустом доме, а отовсюду несется адский скрежет прогрызаемых монстрами бревен.

Саму крысявку больше всего расстраивало отсутствие у меня хвоста. Она спускалась по моей спине под халатом и принималась страстно лизать мне копчик, как корова плешь (между прочим, старинное народное средство лечения облысения!). Ощущения были... своеобразные. Я сидела и неприлично хихикала, прикидывая, сколько денег можно заработать, сдавая крысу в аренду стареющим нимфоманкам.

Увы, через неделю Рыска отчаялась вырастить мне хвост и крысотические массажи прекратила. Но тут как раз подоспела вторая крысявка от Суровой Минской Заводчицы Лизы.

Веста напоминала жирную полевую мышь, чем меня и подкупила. Благородный окрас циннамон на поверку оказался голубовато-серым с рыжеватым отливом. Позади веревочкой болтался короткий толстый хвостик. По бокам головы торчали круглые дамбо-ушки.

Рыска, еще утром казавшаяся мне большой и толстой, резко стала маленькой и худенькой. Вдвое младшая Веста была толще ее на четверть. И всего на треть короче.

Характеры у крысявок различались, как электровеник и валенок. Веста медленно и солидно обследовала новое жилище, по-слоновьи растопырив уши. Рыска металась вокруг (по потолку в том числе), как свежепойманная белочка, выпучив глаза от возмущения: «А-а-а, мне же обещали, что я буду любимой и единственной!» Но стоило ей перейти к лапоприкладству, как Веста опрокидывалась на спину и начинала истошно орать. Ошарашенная Рыска отступала, Веста же как ни в чем не бывало переворачивалась и шла дальше. Или продолжала есть. Или раскапывать наполнитель, напоминая мне программу для скачки длинных файлов — «продолжить с места обрыва».

Бедная Рысявка поминутно бегала ко мне за сочувствием, я чесала ей за ухом, крыса в порыве энтузиазма кидалась обратно и снова заваливала мелкую. Та снова орала, между этим делом сожрав креветку, тыквенную семечку и что-то еще из миски. После чего начала шататься от усталости и избытка впечатлений, как мышь, некогда пойманная моей кошкой. Та тоже так шаталась-шаталась, а потом упала и больше не вставала.

Я решила, что оставлять их на ночь слишком рискованно, и пересадила мелкую в другую клетку. Что тут началось! Доходяга вмиг ожила и повисла на обращенной к Рыскиной клетке решетке, отчаянно пытаясь сквозь нее протиснуться.

Я прослезилась и вернула Весту обратно. Она пулей

шмыгнула в уже знакомый домик, где была тут же перевернута Рыской. На сей раз Веста орать не стала, а из последних сил приподнялась, обхватила морду сатрапки лапами и запечатлела на ней истинно брежневский поцелуй губы в губы. Рыска вытаращила глаза и окаменела, а мелкая разжала лапы и картинно рухнула на пол.

Я помялась у клетки пять минут, десять. Веста лежала недвижно и хладно. Я потыкала в крысу пальцем. Крыса не шелохнулась. Я подергала ее за хвостик. Крыса заорала и вцепилась в край домика. Я подумала, что где-то это уже видела, бессердечно махнула на нее рукой и отправилась спать.

Утром я проснулась с мыслью: надо пойти выкинуть мертвую крысу, пока ребенок не заметил.

Крысявки как ни в чем не бывало тепличными огурцами (в случае Весты — скорее киви) висели на решетке, требуя внимания.

— Симулянтки! — с чувством сказала я и выдала им по семечке.

Третья крыса по иронии судьбы оказалась настоящим пасюком. Только не диким, а из вивария, и не злобным монстром, а удивительно спокойным, полностью доверяющим человеку животным. Правда, со всеми пасючьими привычками и повадками — но об этом позже.

Забирала я ее в суровый двадцатиградусный мороз, а посему запихнула под горнолыжную, наглухо застегивающуюся куртку, дабы не повторять ошибок с перевозкой Рыски. Сделав лицо кирпичом («Что вы, какая крыса?!»), я села в такси — и через пять минут почувствовала себя отважным маленьким спартанцем, пригревшим за пазухой бешеную лисицу. Пасюковна во что бы то ни стало желала пролезть ко мне в рукав и отчаянно скреблась в подмышке.

Наконец я не выдержала и слегка прижала хулиганку рукой. Крыса заорала (мне почудилось, что водитель вздрогнул) и обмякла.

Я настороженно выждала пару секунд. Крыса не шевелилась и, кажется, начала потихоньку остывать.

Я красочно представила, как выхожу из такси, а у меня из-под куртки выпадает и шлепается на землю плоский крысячий трупик. И как я потом буду объяснять водителю, что «ничего не чувствовала, наверное, в гостях в рукав куртки на вешалке забежала»?!

До самого дома дохлая крыса лежала тихо-тихо, медленно сползая вниз (непередаваемые ощущения!), чудесным образом ожив, только когда я начала выковыривать ее из-под свитера,

чтобы представить мужу.

Муж благосклонно почесал пасючку за ухом и изрек:

— Если будешь вести себя хорошо, будем звать тебя Пасей. А если плохо — Сючкой!

Вообще-то по документам крысу звали Rat, то бишь Крыса. Но до первой выставки об этом так никто ни разу и не вспомнил.

Я запихнула Паську в клетку. Рыска, уже смирившаяся с тем, что в последнее время я приношу домой всякую дрянь, бегло обнюхала новенькую. Пася, в отличие от Весты, на спину переворачиваться не стала (у пасюков это не принято), зато заорала вдвое противнее. На шум из домика выглянула заспанная Веста, и на ее морде появилось откровенно злорадное выражение: ага, не одну меня в этом доме угнетают! Решив, что знакомство прошло успешно, я убежала в магазин, а по возвращении обнаружила, что мелкие заключили пакт о дружбе и в обнимку спят в висящем на стене домике, а Рыска уныло сидит на полу под ним, и на морде у нее написано: «Навязались на мою голову!»

На следующий день все крысы стали ласковые-преласковые, наперебой подлизываясь к вожаку стаи — то есть ко мне. Чем я бессовестно пользуюсь до сих пор.

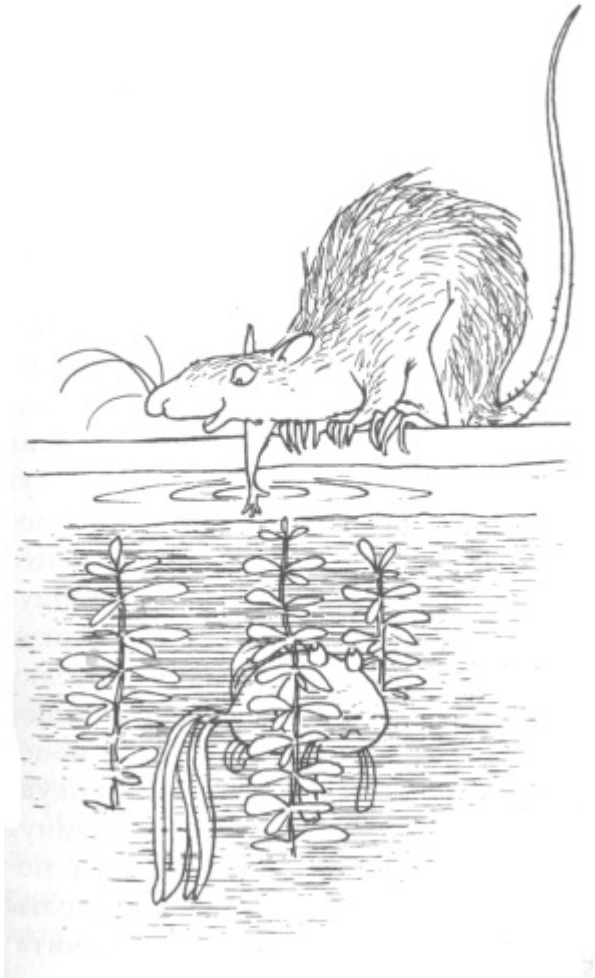
P.S. Чем младше крысы, тем легче они сселяются. До двух месяцев с этим вообще нет проблем, поэтому лучше покупать крыс однополыми парами — хоть бы и у разных заводчиков.

5. Зов предков

Когда-то крысы жили в норах по берегам рек, питаясь всем, что вынесет вода, и при виде цветочного горшка возле аквариума у них включается генетическая память.

«Ловись, рыбка, большая и маленькая!» — приговаривает Паська, алчно глядя в окошко для кормления в крышке аквариума. Окошко как раз такого размера, чтобы пасюк запихнул в него переднюю половину тушки и раскорячил заднюю во избежание нырка. Золотые рыбки тоже припоминают нечто первобытное и благоразумно держатся поодаль. А вот цветущему побегу эхи-нодоруса, опрометчиво высунувшемуся над поверхностью, не повезло: пасюк объел его до самой воды. Крысы отлично плавают, и в аквариуме есть высокая коряга, так что хулиганке вряд ли грозит участь Муму, но окошко я все равно стараюсь закрывать. Но постоянно забываю.

Печально наклонившийся миртовый кустик я вижу с порога. Мирт подарила мне мама со словами: «Каждая девушка должна вырастить к своей свадьбе миртовое дерево!» Поскольку я давно замужем, этот обычай меня уже не касается (разве что второй раз соберусь), но растение все равно жалко. Рыска, успевшая зарыться в горшок по самый хвост, возмущенно пищит и норовит еще хоть немножко покопать передними лапками, пока ее выволакивают из норки. Некогда белоснежная крысявка выглядит будто только что с кладбища домашних животных: перепачканная по уши, всклокоченная, с алчно горящими глазами. Стоит ее выпустить, как она со всех лап мчится обратно, дабы продолжить свое черное в прямом смысле слова дело.



После десятого по счету внушения крыса сообразила, что я не одобряю ее шахтерской деятельности (или просто убедилась, что полезных ископаемых в горшке нет), но мирт к тому времени приобрел такой печальный вид, что женихи до сих пор обходят мой дом по большой дуге.

Чтобы удовлетворить крысиную страсть к норкам, Суровые Минские Заводчики шьют и вяжут крысам гамаки, палатки, коконы, юрты и прочие чумы. Я, поддавшись общему безумию, тоже выкроила из старого полотенца нечто отдаленно напоминающее не то осиное гнездо, не то окуклившуюся личинку Чужого, и на скрепках подвесила сие рукоделие к потолку клетки. Крысы проявили недюжинное мужество и тут же заселились в новостройку, так что пластиковый покупной домик через неделю был выкинут за ненадобностью. Та же судьба постигла деревянный: какой бы высоты ни была клетка, крысявки

предпочитают дремать в гамаках под самым потолком, высовывая мордочки, если происходит что-то интересное.

Чтобы сделать крысу совсем счастливой, можно взять большую картонную коробку (например, от сапог), сделать в ней парадный (сверху) и черный вход (ближе к крышке, чтобы начинка не высыпалась), а внутрь до середины насыпать сено. Крыса будет долго и упоенно им шуршать, а потом вкусно пахнуть сухой травой. Домикам с одним входом крысы не доверяют, норовя сразу же проделать запасной (можно наметить его, проткнув картон пальцем — крысы мигом подгонят дырку под нужный размер).

Трубы крысы тоже очень уважают, но не спешите одаривать их чугунной водопроводной, оставшейся после ремонта туалета. Учтите: вам оттуда этих крыс потом как-то добывать, а вытряхиваются они очень плохо. Так что только разборный пластик.

Самая же бесполезная вещь, которой любящие, но

бестолковые хозяева могут снабдить клетку, — это беговое колесо. Крысы, в отличие от хомячков, не дуры, и потребность в движении у них не столь велика, чтобы бегать на одном месте. К тому же они могут сломать хвост, защемив его в колесной решетке.

Впрочем, если колесо достаточно велико, то некоторые крысы любят там вздремнуть. Но тогда уж лучше сразу пошить гамак.

P.S. Крысы не только едят из аквариума, но и пьют оттуда. Без воды крыса, как и человек, может прожить всего пару дней, поэтому поилка в клетке должна быть обязательно — сочные и жидкие корма полностью ее не заменят.

6. Фуджи. история первая

Фуджи — крыса тяжелой судьбы. В анамнезе у нее двое родов, недобросовестная хозяйка, гнойный отит, фурункул, две неоперабельные опухоли и маточное кровотечение. И с сердцем у нее, похоже, тоже проблемы и бог знает с чем еще, и вообще, последние три месяца я боюсь брать ее на руки, чтобы не развалилась. Так что она ползает себе тихонечко по клетке, первой умудряясь подоспеть к раздаче лакомств, и, похоже, чувствует себя королевой.

Когда я пришла еще только выбирать второго крысенка, СМЗ Лиза выпустила на диван всю малышню и их маму.

Вообще-то по фотографиям я присмотрела рекса. Мелкие они очень забавные, в густых плотных кучеряшках. Но при взгляде на их маму мне сразу вспомнился детский стишок: «У меня в кармане крыса, я нашел ее в лесу. Она мокрая и лысая, я тебе ее несу!»

Крыса была сухая, но исключительно кошмарная. В принципе я и так достаточно спокойно относилась к рек-сам, но на циннамоновом окрасе редкие кудряшки смотрелись особенно плешиво. И даже ухо у нее было драное.

И вот это облезлое убоище без раздумий вскарабкалось ко мне на руки и улеглось, как кошка, свесив хвост, в то время как мелкие сновали вокруг, не обращая на меня ни малейшего внимания.

Я поняла, что рекса ТОЧНО не хочу. И забронировала Весту, стандарта.

Через неделю, когда Веста подросла до продажного размера, первой меня опять встретила плешивая крыса. «Зачем тебе эта молодежь? — говорили ее скорбные глаза. — Ведь у тебя есть Я, твое счастье!»

И опять все время, что я провела у заводчицы, крыса сидела у меня на плече и старательно цыкала зубом, изображая мурлыканье.

— А забирай и эту, бонусом! — огорошила меня СМЗ Лиза. — А то мои ее обижают.

— А она не твоя? — удивилась я и узнала Очень Грустную Историю: одна «любительница» накупила себе десяток крыс, а через год внезапно решила, что для нее это слишком сложно, и вернула их Суровым Минским Заводчикам. Которые, повздыхав (а что делать, не бросать же животинок), по-братски их разделили. Естественно, от чужих взрослых крыс радости немного, особенно когда в доме уже живет большая дружная стая, а Фуджи еще и

глубоко беременная на тот момент была.

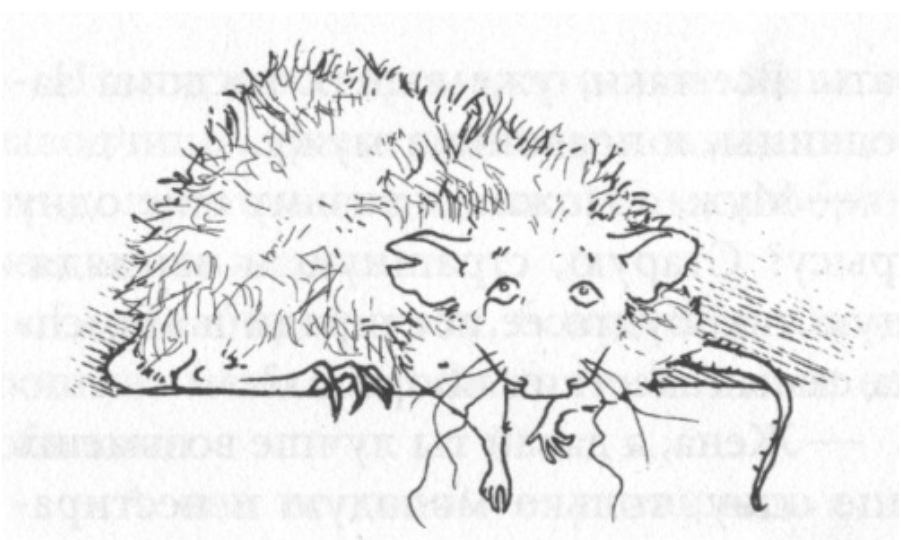
Крысу мне стало еще жальче, и с плеча я ее ссаживала дрогнувшей рукой. Но у меня и без нее забот хватало: неизвестно еще, как поладят Рыска с Вестой, а через неделю и Паську забирать. Все-таки, уже выйдя из дома заводчицы, я позвонила мужу.

— Муж, а можно я возьму еще одну крысу? Старую, страшную и выглядящую так, будто ее постирали в «Bosch» на самых жестких оборотах?

— Жена, а давай ты лучше возьмешь еще одну, только молодую и нестираную? — жалобно спросил муж.

Я решила, что пока действительно лучше ограничиться тремя.

Тем не менее страшная облезлая крыса не выходила у меня из головы, и через месяц, убедившись, что моя троица успешно спелась и особых проблем не доставляет, я не выдержала и позвонила Лизе. Очутившись за пазухой, Фуджи осознала, что не стоит путать туризм с эмиграцией, и полдороги к дому энергично продиралась под курткой к воротнику, пока не продралась. Глотнув ночного морозного воздуха, крыса обалдела и стекла вниз. Теперь мне, наоборот, приходилось обжимать подол, чтоб она не выпала. Со стороны это выглядело так, будто женщине очень хочется в туалет и она боится не добежать.



Веста и Рыска приняли Фуджи благосклонно, а вот в Паське проснулись гены Сючки, и она хорошенько так пошипела на новенькую.

Фуджи капитулировала на самую маленькую верхнюю

полочку, и я впервые услышала, как крыса плачет — совершенно по-человечески, со всхлипами и подвываниями. Ее уже давно никто не трогал, а она все сидела и горестно рыдала, оплакивая свою судьбу. «Жизнь не удалась», — выла она, размазывая лапками слезы. Я раскаивалась в своем «добром» поступке часа три, пока не обнаружила идиллическую картинку: все четыре крысы набились в самый любимый гамачок, как воробушки под стреху, трогательно грея друг друга боками.

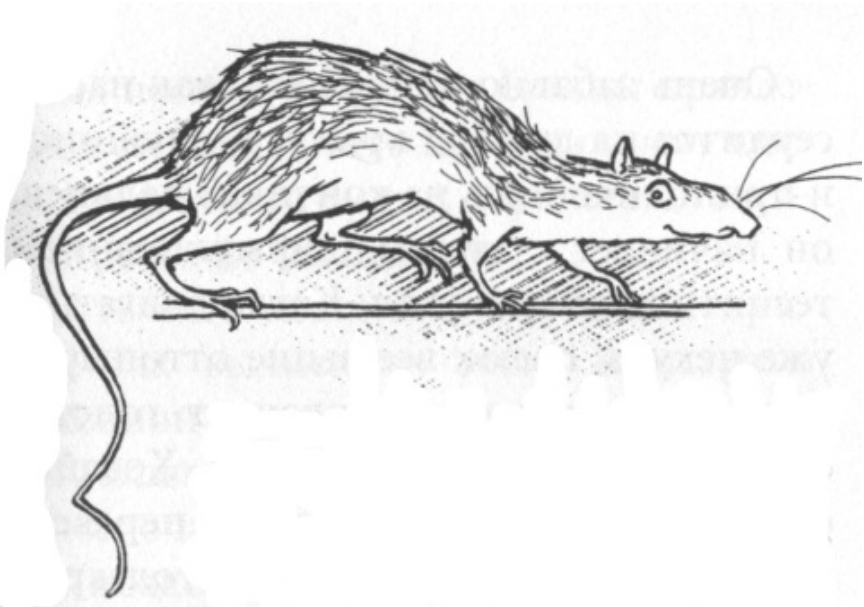
«Да, я старая, страшная и облезлая, — сонно щурилась на меня Фуджи. — Но ведь счастье по большей части такое и есть!»

P.S. К человеку и к сородичам крыса относится совершенно по-разному. Хозяин одинокой крысы зачастую даже не подозревает о некоторых сторонах ее жизни. Крысиная стая действует как единый организм, и наблюдать за ним куда интересней, чем, скажем, за одинокой печенью в банке.

7. Пасюковна

В пасюке есть что-то слегка зловещее, даже если это твой пасюк и у него мягкое целовательное пузо. Хотя отличить его от декоративной крысы окраса агути можно только по повадкам — зато сразу и безошибочно.

Первое, что бросается в глаза, — характерная «крысиная» походка на цыпочках, с горбатой спиной и неизменно задранным, слегка изогнутым хвостом. Пасюк гораздо умнее большинства декорашек и держится с воистину индейским достоинством и хладнокровием. Он лучше дрессируется, спокойнее, преданнее, тише и чистоплотнее. Если это не просто пойманный в подворотне крысенок, а поведенческий пасюк (несколько поколений в виварии, отбор по дружелюбию к человеку), то его доверие к хозяйке настолько велико, что ей дозволено все: вмешаться в крысиную драку, вытащить из пасти уже почти проглоченную гадость (с точки зрения пасюка, прелесть) или сделать укол. При этом пасюк умеет обижаться и так показывать это мимикой, что вам действительно становится стыдно.



Но особенно ярко характер пасюка раскрывается в стае.

Среди декорашек пасюк всегда доминант — или по меньшей мере один из доминантов. Все просто: когда деко-рашка начинает рассказывать пасюку, какая она страшная, пасюк молча кидается

и кусает. Два-три урока, и деко-рашка предпочитает подчиниться этому маньяку.

Очень забавно наблюдать, как пасюк сердится на другую крысу. Раздувшись и приподнявшись на кончиках пальцев, он начинает с тихим пофыркиванием теснить жертву в угол. Когда двигаться уже некуда, пасюк все выше оттопыривает зад, все ниже наклоняет голову, фактически становясь на нее. Хозяйке он в этот момент напоминает перевернутого совенка, загнанной в угол крысе — нечто куда более страшное, потому что она придушенно пищит от ужаса. Ко всему прочему пасюк обладает навыками гипноза. Некоторые деко-рашки прямо-таки цепенеют пбд пасючьим взглядом, заваливаются на спину и, тяжело дыша приоткрытой пастью, остаются лежать, даже когда шаман уходит. Это уже не весело, это уже страшно. Крысы вообще склонны к шоку, и, если вовремя не прекратить это безобразие, дело может закончиться инфарктом или инсультом.

К счастью, такие острые конфликты происходят только при подселении.

Когда пасюк уже забрал бразды правления в свои лапы, его нападки носят чисто профилактический характер и такого стресса не вызывают.

Есть еще несколько народных примет, как вычислить этого монстра в крысиной шкуре:

1. Если по полке, заваленной всякими мелочами, ходит декорашка, то рано или поздно она оттуда упадет.

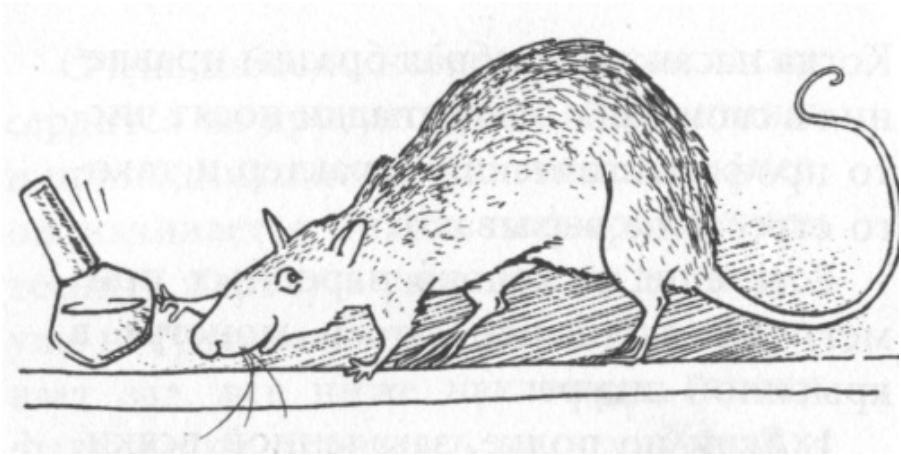
Если по полке, заваленной всякими мелочами, ходит пасюк, то рано или поздно оттуда упадет все, кроме пасюка.

2. Если происходит что-то интересное, декорашка обязательно прибежит посмотреть.

Если происходит что-то интересное, пасюк обязательно прибежит поучаствовать.

3. Если шкода с первого раза не удалась, декорашка, возможно, попробует еще раз.

Если шкода с первого раза не удалась, пасюк, возможно, отступится после сто первого.



4. Если на столе лежит что-то съедобное, декорашка его погрызет.

Если на столе лежит что-то съедобное, пасюк его утащит, припрячет в Укромном Месте, и еще неделю оттуда во время прогулок будет доноситься Жуткий Хруст.

После очередного пасючьего подвига хозяйку начинает тянуть на китайскую этническую кухню и стихи:

Я за хвост поймаю злыдня-пасюка, Жалости не знает мстящая рука: Не скакать отныне твари по столу, Не копать вазоны, не скрестись в углу, Не глодать обои, провода не рвать,

Не мочиться смрадно на мою кровать, Не украсть купюру в тысячу рублей... Ты, читатель, тоже гада не жалей! Он не видит больше солнечный восход, Ибо заперт в клетку и креветку жрет!

Спящая Паська от спящей декорашки ничем не отличается. Разве что мордаха у нее в этот момент такая непривычно благодушная, что рука сама тянется почесать за ухом.

Обожаю заразу хвостатую!

P.S. Дикая пасючья стая не примет декоративную крысу, надоевшую владельцу и «выпущенную на волю». Это все равно что выгнать в лес болонку — в надежде, что ее примут волки.

Глава 7

Фуджи очень любит моих гостей. Точнее, она, как и они, любит поесть и выпить на халяву и, когда мы садимся за стол, занимает выжидательный пост у дверцы. Нет, она не хочет гулять. Она точно знает, что сейчас будет.

Выпущенная на стол крыса, кряхтя и охая, как реинкарнация старухи Шапокляк, берет предложенное угощение и деловито его съедает. Надо видеть, как она это делает! Крепко сжимая лакомство в дрожащих лапках, покачиваясь из стороны в сторону, с полуприкрытыми глазами. На ее морде написано: «Какое счастье, что в Ленинград наконец проложили дорогу жизни!» Сцена повторяется, пока жертва блокады не сожрет все предложенное (гости роняют скупые слезы и норовят подсунуть страдалице еще кусочек). Каковое Фуджи норовит запить из бокала, желательно сливочным ликером, очень обижаясь, если ей предлагают в альтернативу сок или вообще плебейскую воду.

Наевшись и напившись, крыса степенно перебирается ко мне

на грудь (или кладет морду на руку, как собака), пару минут мурлычет и щелкает зубами — и засыпает. При ней можно смотреть телевизор, хохотать, греметь посудой. Фуджи спит. Если б она первой не кидалась утром на мое «крыс-крыс», я б заподозрила, что она глухая.

Еще Фуджи гениально изображает «умирающего лебедя». Спит крыса в гамаке. Нормально спит, тихо. Останавливаешь на ней рассеянный взгляд — начинается. «Оххх... хр... чхи-хи... помираю я, хозяйка, налей борща, что ль, напоследок...» Ветеринар слушала — все отлично с легкими, чисто. Воспаление хитрости, видать.

Суровые Минские Заводчики авторитетно уверяли меня, что если животное хорошо кормить и любить, то оно станет белое, пушистое и блестящее. Ну да, после линьки крыса стала менее облезлой, но и только. Сказать по правде, лучше всего Фуджи смотрится у мусорного ведра. Да, она не агути, а цинна-мон, и не стандарт, а дамбо реке. Но Фуджи и мусорное ведро воспринимаются так гармонично, что чистокровная паеючиха проигрывает Фуджи вчистую. «Господи, — говорят глаза этой злосчастной скотины, — спасибо, что ты ниспослал мне это ведро за мои мучения и страдания. Я съем его все и в нем же окочурюсь, чтоб не доставлять любимой хозяйке проблем с погребением».

Ага, сейчас!

Фуджи — чемпион по доставлению проблем. Против сборной команды крысявок она пока уверенно ведет 3:0.

Первый гол в ворота ветеринара Фуджи забила через неделю после появления в доме, как только более-ме-нее состоялось подселение в стаю. Крыса неожиданно повеселела, впервые пришла ко мне на ручки (забирала я ее какую-то совсем кислую), и я с ужасом обнаружила, что из уха у Фуджи хлещет гной. В промышленном количестве.

Запихав животное в переноску, я помчалась к ветеринару, где неожиданно воссоединилась с СМЗ Лизой. У нее тоже была целая охапка хворых крыс, что весьма скрасило часовое ожидание в приемной, а потом нас еще и приняли оптом. Фуджи оказалась не так уж плоха, а после укола байтрила заскакала вообще как молоденькая.

Увы, ненадолго. Байтрил — очень токсичный антибиотик, и уже после второго укола у Фуджи стали отниматься задние лапы. А колоть велели как минимум неделю.

— Помрешь ведь скоро, бедненькая... — сострадательно приговаривала я, скармливая крысе запретные лакомства вроде шоколада и печенья.

Крыса кряхтела, вздыхала, волочила лапы, зверски воняла

отитом и еще кошмарнее — мазью от отита, подтверждая, что да, вот-вот того, и поэтому надо успеть съесть еще кусочек.

Прошел месяц, и я заподозрила, что меня, кажется, немножко дурачат. Ибо крыса скакала все резвее, становясь все прожорливее и круглее («Что ты, хозяйка, это у меня не от еды, а для еды!»). Но стоило мне выдохнуть что, кажется пронесло, как Фуджи разыграла следующую партию.

Закончив работу, я выключила компьютер и уже собиралась идти спать, как вдруг Фуджи заорала, будто ее режут.

— Паська! — привычно окликнула я, — Цыц! Оставь старуху в покое!

Вопли не прекращались, в клетке происходило черт-те что. Обернувшись; я заметила, что Паська как раз в ужасе забилась в угол, а на полке клубком сцепились, остальные три крысы.

Разобраться, что произошло, мне удалось далеко не сразу.

Оказывается, это… глупое животное… застряло лапой в квадратике решетки! Причем посадило сустав на такой мертвый клин, что выколупать его не представлялось возможным. Время от времени пленница начинала метаться и орать от «боли, тут же набегали остальные крысявки (они же стайные, как вороны!), скакали по ней, не зная, чем помочь, а она их кусала. Укусила и меня, совсем несильно, но я здорово испугалась, потому что до сих пор Фуджи не поднимала зуба на людей, даже когда в крысиную ляжку втыкался шприц!

Хлебнув адреналина, я каким-то образом умудрилась, одной рукой расшвыривая крысявок (они тут же сбегались обратно, кошмар же, соплеменнице плохо!), второй при помощи ножниц (!) разломать сетку, не разломав крысу.

Фуджи, волоча лапу, метнулась на самую недоступную полку, забилась в ее угол и завыла. Она выла пять минут. Десять. Со всхлипами и причитаниями, как умеет только Фуджи. Остальные крысявки успокоились, зато уже я металась у клетки, пытаясь оценить ущерб.

Лапа была вроде несломанная, но опухшая и горячая.

В итоге спать я пошла в три часа ночи в полной уверенности, что три же крысы у меня и останется. А заснула хорошо если в четыре.

В шесть утра меня поднял муж вести ребенка в садик.

— Муж… — надрывно вопросила я первым делом. — Фуджи… она жива?!

— Вроде да, — опешил муж, — я им сейчас орешки давал, она первая выскочила.

— А лапа?

— Какая лапа?

— Пойди и убей ее! — простонала я, накрывая голову подушкой.

Третий гол оказался традиционно внезапным. Мне позвонила СМЗ Лиза, чтобы предупредить: если у Фуджи вдруг появятся опухоли, оперировать ее под общим наркозом нельзя ни в коем случае, уже две крысы из этого помета не очнулись.

— Да вроде у нас все в порядке, — оптимистично ответила я, между делом вытаскивая Фуджи из клетки. — Никаких опухо... Черт!

Шишка была небольшая, с горошинку, на боку. Но за неделю подросла до фасолинки.

— Не переживай, может, это всего лишь абсцесс, — утешала меня Лиза. — Приноси ее ко мне, я обожаю тыкать в крыс иголкой!

Я надеялась, что если это абсцесс, то он сам прорвется. А если опухоль, то пусть еще немножко подрастет и мы убедимся, что это она.

Прошел месяц. Шишка больше не увеличивалась, и я решила, что стоит-таки крысу ткнуть и поглядеть, что будет.

Дальше была картина маслом. Мы сидели на кровати и под вопли Лизиной кошки в охоте («Вы слыхали, как поют коты-ы-ы?!») ковыряли крысу иголкой от шприца. Точнее, Лиза ковыряла, а я скакала вокруг с трагичными воплями: «А вдруг это опухоль?! А вдруг мы ее раздавим?!» Ледяное спокойствие сохраняла только Фуджи: она сидела у Лизы на коленях и традиционно готовилась к смерти.

— Не-е-е-ет, — пыхтела Суровая Минская Заводчица, давя злосчастную крысу с решимостью прыщавого подростка перед первым свиданием. — Это абсцесс! И сейчас мы его добудем!

Истина, как всегда, оказалась где-то рядом: крыса внезапно треснула, и из нее вылезла (откладываем бутерброды, отставляем чай!) некая субстанция размером с арахис, коричневого цвета и компактного вида, то бишь созревший и почему-то не прорвавшийся, а мумифицировавшийся абсцесс.

В крысе осталась дыра аналогичного размера.

— «Ежик резиновый шел и посвистывал дырочкой в правом боку!» — не сговариваясь, вспомнили мы детскую песенку из мультика.

— Ты хоть ее помажь чем-нибудь, — с содроганием попросила я.

Лиза задумчиво посмотрела на дыру, и теперь мне на ум пришла цитата из Гайдара, как в войну йодом лечили от всего, столовыми ложками выливая его на зияющие раны.

Тем не менее крыса была намазана перекисью (и впервые

проявила признаки возмущения, хрипло пискнув), перекрещена и возвращена в клетку.

Раны на крысах заживают быстро, и через три дня я даже не нашла, где была дырка.

Ждем новой подлости.

P.S. Если полки в клетке сетчатые, то они обязательно должны быть чем-то застелены. Впрочем, особо одаренные крысявки умудряются застрять головой или лапой даже в вертикальной решетке — но обычно им хватает одного урока.

9. «Сы-ы-ыр!»

Больше всего на свете крысы любят... йогурт. Чтобы свежий, живой и с ягодками, хотя по правилам лучше несладкий. Сыра, непременного мышино-крысиного атрибута в детских книжках и мультфильмах, крысам нельзя — он для них слишком жирный и вообще вредный. Естественно, недобросовестная хозяйка проверяла, едят ли крысы сыр. Крысы ели. Крысы вообще все едят, особенно если оно не положено в их тарелочку, а стянуто с хозяйской. Поэтому беречь их печень приходится людям.

Но йогурт...

Крысы совершенно точно знают, что вечером в девять часов в этом доме дают йогурт. Они начинают ждать его примерно с семи и ждут до упора. Если йогурта в холодильнике нет, то смотреть в их порицающие морды совершенно невыносимо, приходится идти и искать какую-нибудь замену — орешек, семечки или креветку. Замену крысы съедают со страдальческим выражением: «Эй, мы не поняли — а где же йогурт-то?!» — и никуда не расходятся. Наоборот: приникают к решетке, высовывают сквозь нее носы и с надеждой ими шевелят — а вдруг?!

Смотреть на них невыносимо, приходится вставать и, ругая избалованных тварей, плестись в круглосуточный магазин.

Откушав, Фуджи уходит в любимый угол и начинает так смачно грызть решетку, будто она сделана из карамели. Зубы у крыс растут всю жизнь в расчете на косточки, зерна, а то и бетон, который приходится глодать диким пасюкам, чтобы добраться до более питательной еды. А их тут йогуртом и креветками травят,

куда ж это годится! Укоротив резцы, Фуджи переходит к коренным зубам, закусывая ими горизонтальный прут, как лошадь мундштук. Морда у Фуджи длинная и широкая, и в этот момент крыса напоминает маленького мохнатого крокодила, а по звуку — гномика с перфоратором (коренные зубы в сточке вообще-то не нуждаются, но Фуджи явно нравится сам процесс: «Ах, какое вкусное железо! Ух, как красиво оно дребезжит!»).

Остальные крысявки используют более прогрессивные стоматологические методики. Можно, конечно, просто поточить верхние зубы о нижние, но это удел крысы, запертой в пустой стеклянной банке. Куда интереснее отжевать угол гамака, прорезать запасной выход в картонной коробке-домике или ободрать обои. Особую любовь крысы питают к мягкой пластмассе и тонким проводам.

«...!!!» — орет хозяйка, увидев на столе горку серо-бу-ро-малинового крошева на месте любимых наушников. Острозубые твари, ничуть не раскаявшись, кидаются врассыпную, а хозяйка печально выуживает из горки единственную уцелевшую деталь: железный штекер. Который очень хочется этим самым крысам кое-куда засунуть — но если бы это помогло!

На самом деле все далеко не так грустно, и от крыс вполне можно откупиться, повесив им кусок мела, положив пару прутиков и оформив клетку коробками из толстого картона.

Но наушники на столе лучше не оставлять. И стенку за клеткой обшить панелями, потому что некоторые крысы обдирают обои исключительно из чувства прекрасного.

P.S. Крысятам до трех месяцев через день положены кисломолочные продукты: йогурт, творог, кефир. А после трех попробуй не положи.

10. Фуджи. история третья, подлость четвертая

Однажды Фуджи решила помереть. Поскольку долгие и банальные хвори уже не производили на меня впечатления и поток лакомств иссяк, Фуджи сменила репертуар и выступила с ярким и душераздирающим номером «раненый боец из последних сил ползет к партизанам».

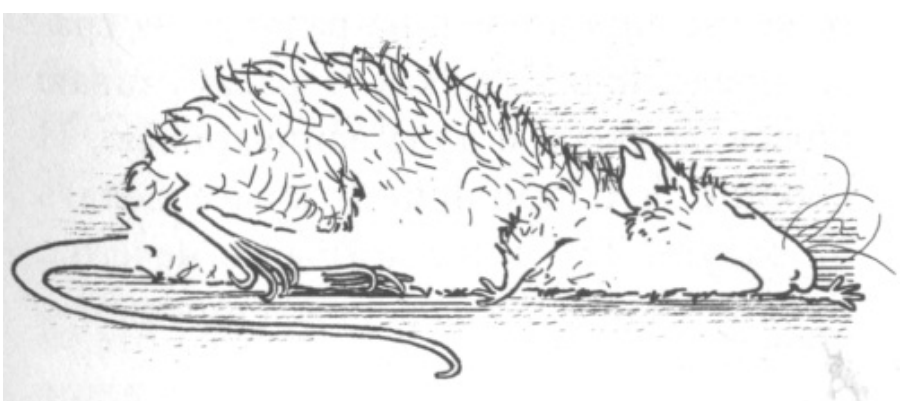
Когда утром ничего не подозревающая хозяйка подошла к клетке с тарелочкой каши, появилась Фуджи. Она эффектно ползла на передних лапах, волоча задние, и за ней тянулась ярко-алая полоса крови.

Номер сорвал бурные аплодисменты: одной рукой я кинулась звонить Суровым Минским Заводчикам, а второй исследовать крысу на предмет источника кровищи. Кровило из матки, не сказать чтобы сильно, но крысе явно было очень плохо. Она свесила голову и вяло подрыгивала холодеющими конечностями, включая хвост.

— Уколи ей дицинон, — посоветовала СМЗ Аня.

Естественно, дицинона по закону подлости дома не оказалось. Вместо него, по приложению к тому же закону, дома оказался мелкий сопливый ребенок, на улице — проливной дождь, а в ближайшей к дому аптеке меня обрадовали, что последнюю ампулу купили вчера вечером.

Когда я, мокрая с ног до головы, кинулась к клетке, Фуджи лежала на боку, натуральным образом протянув лапы и доживая последние секунды.



Я снова позвонила Ане и трагически возрыдала:

— Ань, дицинона в нашей аптеке нет, и, по-моему, пока я

съезжу в другую, она уже все... У нее уже лапки холодные...

— Ну что тут поделать, — философски отозвалась заводчица. — Возьми ее тогда в руки, погладь, проводи на радугу...

Честно говоря, «радуга» крысоводов, куда якобы уходят умершие крысы, вызывает у меня некую оторопь. В моей материалистичной картине мира она как-то не укладывается, равно как и выражение «проводить на радугу» — сразу представляется, как я раскручиваю крысу за хвост и туда зашвыриваю. И вообще, что приличной крысе делать на радуге? Там даже погрызть нечего... Буддистская цепь перерождения нам с крысами как-то ближе.

На руки тем не менее я крысу взяла и принялась провожать. Фуджи дожила последние минуты. Потом самые последние. Потом, видно прочитав мои мысли про хвост и заброс, принялась выкручиваться с явным намерением от греха подальше вернуться в клетку и проводиться без моего участия.

Непедагогично вручив ребенку пакет чипсов с указанием «пока не съешь, с дивана не слазь», я помчалась в дальнюю аптеку. Там дицинона тоже не было. Дождь усилился, зонтик я забыла. Недопровожденная крыса стояла перед глазами, как и объятая одновременно пожаром, наводнением и газом квартира.

Я поскакала в третью аптеку. Самую дальнюю. Там дицинон был, как и огромная, человек десять, очередь из бабулек — ровесниц Фуджи (в пересчете на биологический вид, разумеется). Они уставились на меня так злобно, будто собирались проводить на радугу меня саму, причем в особо жестокой форме. Мои нервы не выдержали, и я очень натуралистично облилась слезами (по большей части на свою горькую судьбу), воскликнув:

— Пустите меня без очереди! У меня дома ребенок маленький и кошка от кровотечения умирает!

«Кошка» выскочила у меня совершенно спонтанно и интуитивно: сомневаюсь, что сообщение о толстой облезлой крысе заставило бы бабок так же расчувствоваться.

— Конечно-конечно, деточка! — зашуршали они, расползаясь в стороны. — Иди!

Я примчалась домой, сжимая в руке ампулу с дициноном, как правительственную депешу. Фуджи в позе умирающего лебедя лежала в лотке, но, увидев меня со шприцем и перекошенной физиономией, поспешно ушкандыбала в домик. Пришлось выколупывать ее оттуда, как упыря из склепа.

Дицинон помог (или просто приступ, что бы это ни было, сам прекра-

тился к моему возвращению?), и вечером мы отправились к ветеринару. Та повертела крысу во все стороны (на Фуджи визит к

врачу всегда производит дивный терапевтический эффект: она резко взбодряется с видом тещи «ты что, зятек, какие похороны в три часа, я просто пошутила, чтоб вы побегали!»), велела продолжать дицинон и мастометрин, оперировать с вышеописанными проблемами отсоветовала и отпустила нас домой.

За следующие три дня Фуджи немного оклемалась — лапы волочить перестала, стала понемногу кушать, хоть и продолжала кровить, — но тут ее накрыл второй приступ, так же внезапно. Крыса у меня на глазах осела на полку, проползла по ней до края и упала в лоток. Подрыгалась там, шурша наполнителем, исторгла здоровенный, в полмизинца, черный сгусток крови и замерла. Лапки у нее были ледяные, хвост тоже.

Дело было глубокой ночью, везти было некуда, делать было нечего — все консультации я уже собрала. Оставалось только проводить Фуджи на радугу.

Полчаса я неотрывно глядела на уходящую крысу, дышащую все реже и реже, а потом она... встала, отряхнулась и как ни в чем не бывало пошла к кормушке. Типа я вам тут исполнила на бис, а теперь подкреплюсь и баиньки.

— Чтоб ты здоровенькая была! — с чувством сказала я. — Даже ТУДА тебя, кошмар хвостатый, не берут!

Больше Фуджи не кровила и очень быстро вернула себе прежний аппетит, вес и здоровье.

Прошло полгода, а Суровые Минские Заводчики до сих пор надо мной издеваются. Когда я начинаю жаловаться им, что, дескать, как-то Паська посапывает или там Веста попискивает, они ехидно интересуются: «А лапки у нее еще не холодеют, нет?!»

А я, когда вижу спящую в лотке Фуджи (любит она это дело, если наполнитель свежий), всякий раз нервно вздрагиваю и бегу тыкать ее пальцем.

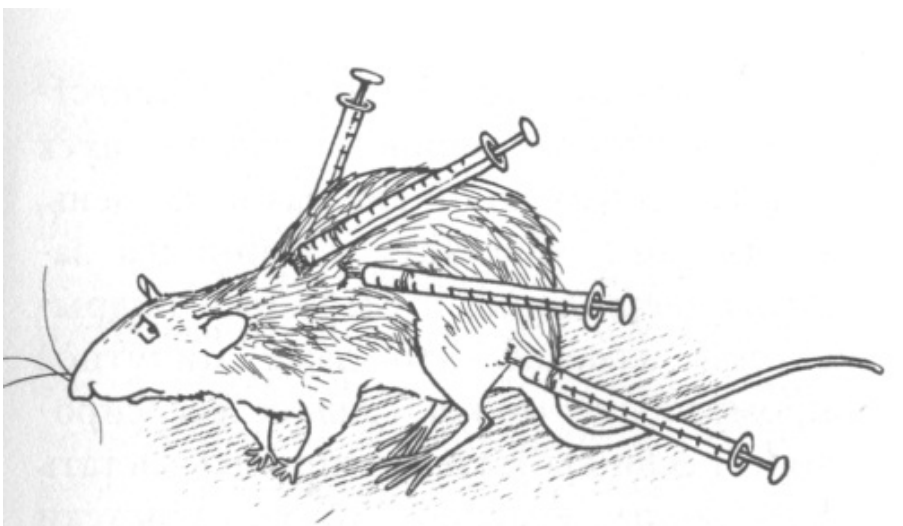
P.S. При маточном кровотечении у крыс показано срочное удаление матки. Рассчитывать на самоисцеление, как в случае с Фуджи, не стоит: у нас просто не было выбора и ей очень повезло.

11. Сам себе ветеринар

— Ой какая крыса! — восхитилась милая девушка в голубом халатике. — А что это за порода? Первый раз такую вижу! А что у нее с ушами? А можно подержать? Она не кусается?

Я тихо порадовалась, что привезла крысу в государственную ветклинику только ради справки об отсутствии лишая — для выставки.

Вопрос о породе преследует хозяина любой крысы, маломальски отличающейся от классической белой и красноглазой. На сотом его повторе крысово-ды начинают кусаться сами. У крыс нет пород. Точнее, порода одна: крыса декоративная, а уже в ней выделяют окрасы и маркировки. Знать их ветеринар, разумеется, не обязан, но если он изумляется дамбо или рексам, то крысу ему можно доверить только мертвую — пусть учится, все равно потом хоронить.



Найти ветеринара, специализирующегося по грызунам, непросто. Дело это хлопотное и неприбыльное: мол, раз животное мелкое, дешевое и, по сути, недолговечное, проще купить новое. Координаты Крысболита расползаются по крысоводам, как тайное друидское знание, и вскоре он с ужасом спохватывается, что его приемная забита скорбящими на все лады крысами, вытеснившими прочих животных, — потому что просто ветеринаров в городе много, а ратологов — он один.

Все бы ничего, но этот безответственный человек норовит уйти в отпуск или взять выходной как раз в тот день, когда ваша

хвостатая кровиночка задрала вверх лапки и слабо ими подрыгивает, намекая, что даже минутное промедление может сделать вас сиротой. А если вы таки умудрились застать Крысболита врасплох, то он, садистски ухмыляясь, прописывает крысе курс уколов по три раза в день и раз ночью, так что в клинику на другом конце города (по закону подлости она ВСЕГДА на другом конце; видно, перед ее открытием ветеринары нарочно ползают с линейкой по карте, выискивая равноудаленное от всех крысоводов место) не наездишься.

В итоге крысовод очень скоро овладевает навыками первой крысиной помощи: колоть подкожно и внутримышечно, подрезать зубы и когти маникюрными щипчиками, снимать швы, прокалывать фурункулы и обрабатывать раны. Вот только полостные операции на табуретке в кухне мы еще не освоили, но, чую, это уже не за горами.

Легче всего лечить чужую крысу. Во-первых, ее не так жалко, во-вторых, ее в это время держит хозяин, и все ее негодование достается ему. Хотя основная проблема в том, что крыса — животное мелкое и вертлявое и вкатить кубик препарата в брюхо вместо лапы или вообще себе в руку очень не хочется. Поэтому без дружеской помощи порой не обойтись.

Таблеточки в этом плане куда приятнее и для хозяев, и для крыс: их обычно толкут и коварно подмешивают или заворачивают во что-то вкусное. Заварное печенье было хитом сезона и когда я лечила Фуджи от отита, и когда витаминизировала Весту. Также на роль приманки отлично годятся мясное пюре, каша, вареная картошка — в общем, все, что ваша крыса готова есть даже на смертном одре.

До года крысы цепляют болезни редко и оправляются от них быстро. Но после полутора лет крысиный иммунитет резко падает, и начинаются проблемы. Фактически они делятся на две группы: легочные заболевания и опухоли.

Опухоли у крыс по большей части доброкачественные и без особых проблем удаляются как под общим, так и под местным наркозом — хотя, увы, бывают и исключения. В любом случае, если на крысе появилась лишняя выпуклость, ее нужно показать ветеринару. А он уж пусть решает: подрастить это безобразие до операбельного размера или от греха подальше вылущить в этот же день.

Если опухоль может подождать приговора недельку-другую, то, когда крыса начинает чихать, булькать изнутри и рыдать кровавыми слезами (это не метафора — у больной крысы из носа и слезных желез выделяется красная жидкость — порфирин; бояться его не стоит, но и радоваться тут нечему), необходимо

срочно приступать к вышеупомянутым укольчикам и таблеточкам.

— Как хорошо, что я не пошла в медицинский! — приговаривает СМЗ Лиза, расковыривая очередной абсцесс на очередной крысе. — Если бы я увидела такое на человеке, я бы упала в обморок!

Не болейте, крысы! Но на всякий случай готовьтесь лечиться.

P.S. У крысовода под рукой всегда должна быть аптечка «скорой крысиной помощи», включающая инсулиновые шприцы, ватные палочки, пипетку, перекись водорода (йод), преднизолон, фуросемид, сульфокамфокаин, дицинон (этамзилат), активированный уголь (смекту), эуфиллин, но-шпу, хлоргекси-дин/ мирамистин и, разумеется, телефон ветеринара!

12. Крысиная охота

Наш крысовыгул состоит из собственно клетки (за и по которой тоже весело лазить), аквариумной крышки, стола и широкой стеллажной полки, специально для крыс заставленной картонными коробками с дырками и заваленной тряпками — в общем, за образец взята классическая помойка. Крысы вроде довольны, хотя я при каждом удобном случае издеваюсь над Суровыми Минскими Заводчиками: выпущенные из клетки, крысы за пять минут проверяют, не появилось ли в их владениях чего нового, после чего забиваются в одну из коробок, а то и обратно в клетку и преспокойно там дрыхнут. Чтобы заставить их гулять положенные по договору два-три часа в день, я, видно, должна взять пастуший кнут и свистою Иначе – фиг они хотя бы хвостом шевельнут во имя спортивного образа жизни.

Впрочем, изредка крысовыгул расширяется — когда крысы падают с полки. Если эдакая оказия случается с Главной Крысой, то она деловито встряхивается и хозяйской поступью бродит но комнате в процессе чего без проблем отлавливается и возвращается в резервацию. Рыска — ласковая и послушная крысявка, она охотно выходит на зов, а Фуджи сразу забирается в стоящую на полу переноску и дожидается меня там.

Но Ве-е-еста... Во-первых, она жуткая трусиха. Во-вторых — соня. Шмякнувшись на пол, она спешит к ближайшему укромному месту, забивается туда и часами не дает о себе знать, в то время как хозяйка в панике обшаривает квартиру, представляя то мохнатый блинчик, то крысу-гриль на перекушенном проводе холодильника.

Вот и сегодня, вернувшись из магазина, я обнаружила на полу упавшую с полки коробку. «Крыса брякнулась!» — тут же екнуло у меня сердце. Не знаю, как крысам это удается — видно, в мое отсутствие они играют в Гагарина, — но они падают вместе с коробками, находясь при этом ВНУТРИ.

Я быстренько пересчитала крысявок, и тревога переросла в панику: катапультировалась Веста.

— Весточка, Весточка! — фальшиво заблеяла я, планомерно осматривая подкроватные и задиванные пространства. Хуже всего было то, что я оставила открытой кладовку, заваленную всяким хламом. Разбирать ее можно до посинения, а робинзонить в ней, питаясь кроличьим комбикормом, — до следующей зимы.

К счастью, на этот раз мне понадобилось всего десять минут, чтобы отыскать беглянку. Пыльная усатая морда подозрительно выглядывала из-за стеллажа. А стеллаж сей, надо сказать,

заказывался специально под клетки — 200х60х120, три огромные полки и с толстыми задней и боковыми стенками, только дверей до полноценного шкафа не хватает.

— Весточка! — возрадовалась я. — Иди к мамочке!

Веста насупилась. Ее мамочкой была Фуджи, а не эта подлая тетка, которая то возит ее к ветеринару, то сладострастно целует в жирное пузо.

Я сбегала на кухню и принесла кусочек вареной колбасы.

Веста облизнулась и выдвинулась из-за стеллажа до середины.

Увы, меня сгубила нетерпеливость: надо было подождать, пока крыса не вылезет целиком, но я самонадеянно схватила ее за шкирку.

«Убива-а-а-ают!» — заголосила Веста, упираясь в стенки всеми лапами и боками, как дождевой червяк. Я усомнилась, что она обладает такой же способностью к регенерации и что если я дерну посильнее, то из каждой половинки отрастет по новой крысе. Поэтому я выпустила бессовестное животное, и оно тут же задним ходом ввинтилось обратно.

Выругавшись, я подняла голову. Остальные крысявки рядком сидели на краю полки, как птички на карнизе, и буравили меня осуждающими взглядами. Погрозив им кулаком, я повторила попытку. Но Веста, разгадав мою злодейскую сущность, больше не показывала из-за стеллажа даже кончика носа, а когда я засовывала в щель палец, била по нему лапой. Когда этой засранке удалось коварным марш-броском выхватить у меня приманку и отбежать на противоположный конец щели, я озверела и, поднатужившись, отодвинула стеллаж от стены. За ним обнаружилось огромное количество пыли, свернутая трубкой газета и несколько семечек — Веста, сплющившись, шмыгнула в щель уже ПОД стеллаж и теперь смачно чавкала там колбасой.

Я в отчаянии схватила газету и повозюкала ею под стеллажом. Выцарапать газетой крысу, да еще такую упитанную, было, разумеется, нереально, и моим трофеем стала еще одна куча пыли. Но теперь не выдержали уже нервы Весты. Услышав страшное шуршание и увидев портрет президента на первой полосе, крыса в ужасе выронила колбасу, выскочила из-под стеллажа с другой стороны и кинулась ко мне на руки, как блудная дочь. После чего была торжественно возвращена в клетку, а я сейчас сижу и озадаченно чешу макушку — задвинуть стеллаж обратно у меня не получается, он мало того что тяжеленный, так еще и был зажат между столом и аквариумом на 250 литров.

Поэтому втискивать его обратно надо с хирургической точностью, чтобы не пришлось ловить по квартире еще и рыбок...

P.S. Взрослой крысе, в отличие от кошки, больно, когда ее поднимают за шкирку. Передняя часть крысы вообще не годится для ловли — мелкая, хрупкая и с зубами. Лучше всего хватать крысу сверху, за всю тушку, или ладонью под пузо.

13. Коса на камень

Спит моё крысье вповалку.

Прошла я мимо клетки, Паська проснулась. Покрутилась — спать не хочется, есть не хочется, гулять не пускают, дай-ка я до кого-нибудь докопаюсь!

И стала докапываться до Фуджи (на которой, между прочим, спала!).

А Фуджи сонная, толстая, лень ей с Паськой заводиться. Паська вздулась горбиком — мол, оцените страх и ужас, летящий на крыльях ночи! — и медленно покачивается (трепещите и падайте ниц!), а Фуджи ее эдак лениво задней лапой отпихивает: «Уйдите, поручик, мне неохота с вами стреляться!»

Минуты три пихала. Наконец Паська рассердилась, что ее всерьез не принимают, и Фуджи за бок ущипнула.

Та, не связываясь, улепетнула на другую полку.

А Паське-то не того надо! Ей хочется силушку молодецкую потешить!

Пошла к Рыске.

Рыска сразу — брык на спину: мол, делай со мной, что хочешь, противный!

Опять облом: неинтересно.

Паська с горя к Весте стала подбираться, только с нее тем более взятки гладки: она на Паську глядит, как пятилетний ребенок на здоровенного волосатого байкера. Мол: «Ты чего, дядя, тебя же свои засмеют, если меня на кулачный бой вызовешь!» Еще и завопила на всякий случай.

Надоело мне это, открыла я дверцу.

Паська сразу — шасть из своей клетки в кроличью! Попила водички из Фиминой поилки. Поела из кормушки. Нагадила в его лотке. И, вся такая крутая, пошла бить морду коту, то есть докапываться к кролику.

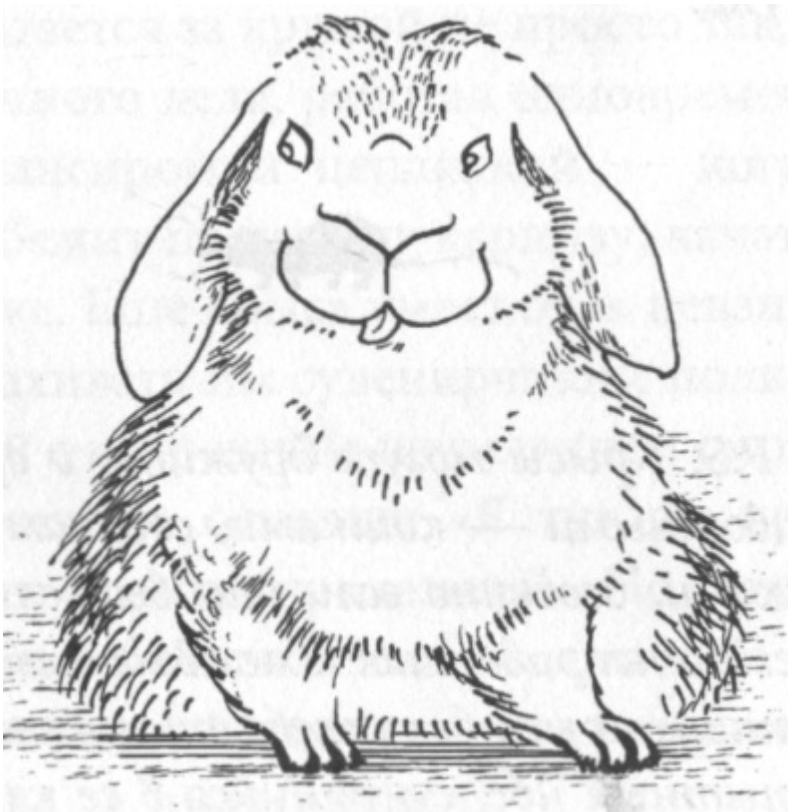
Фима лежит и смотрит. Паська вся, даже раздувшись как рыба-шар, размером с его голову.

Смотрел-смотрел, пока она и его ущипнуть не попыталась. Тут он ка-а-ак даст ей пинка передними лапами!

Из Паськи мигом весь боевой дух вылетел! Сдулась — и пулей из клетки.

Только влезала-то она в месте, где прутья чуть пошире, а вылезать пришлось где получилось. Голова пролезла, а пузо — сытое, круглое — не лезет! Паська передними лапами подтягивается, задними сучит, как толстая гимнастка, застрявшая меж брусьями, орет!

Фима снова лег и смотрит. С НАСЛАЖДЕНИЕМ.



...Вернулась Паська в клетку, молча легла на прежнее место, положила голову на Фуджи, тяжко вздохнула и заснула.

P.S. Крысы могут дружить с другими животными — кошками, собаками, кроликами, особенно если они выросли вместе. Но непривычная к межвидовым отношениям крыса без колебаний

цапнет любопытный нос, сунувшийся в ее клетку.

14. Главное — Хвост!

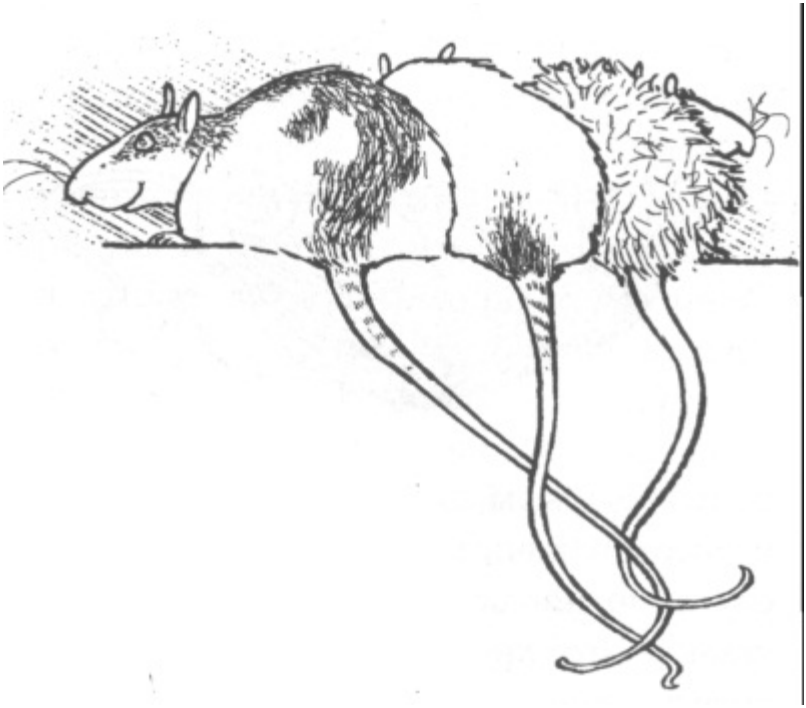
Хвост в крысе — самая нужная деталь. Он вовсе не холодный, влажный и противный, как уверяют несчастные люди, никогда этого хвоста не щупавшие, а восхитительно шершавый и одновременно бархатистый, тепленький. Он болтается за крысой не просто так, а для важного дела, работая одновременно балансиром и цеплялкой — когда крыса бежит по узкому карнизу, канату или руке. Еще крыса умеет эдак невзначай смахивать им сувенирчики с полки, а потом с искренним изумлением смотреть вниз на осколки: «Я тут ни при чем, это все он, проказник!» Но почему-то очень обижается, когда за него ее из сотворенной шкоды (вроде дырки в подушке) и вытаскивают.

В процессе эксплуатации хвост несколько буреет и теряет товарный вид, поэтому перед выставкой Суровые Минские Заводчики проводят тайный ритуал его чистки. Хвост замачивается в теплой воде и начищается зубной щеткой мужа (потому ритуал и тайный — иначе несдобровать!) до блеска. Судьи не могут устоять перед таким великолепием, и торжествующие заводчики увозят с выставки кучу дипломов и розеток.

Крутить крысам хвосты — любимое занятие крысоводов. Если собрать в пучок несколько крыс, то их хвосты сплетутся в косичку. Еще крысу можно приподнять за хвост — тогда она умилительно подожмет задние лапки и пойдет на передних. Болевых окончаний в хвосте мало, так что особого дискомфорта крыса при этом не испытывает, снисходительно относясь к хозяйской придури. Самый же шик — сделать себе «усы» из хвоста сидящей на плече крысы, зажав его между губой и носом. На впечатлительных дамочек, случайно попавших на крысиную выставку, это производит неизгладимое впечатление.

Тем не менее, тягать крысу за хвост следует с большой осторожностью (Суровые Минские Заводчики запрещают тягать вовсе, но это слишком большое удовольствие, чтобы от него отказаться). Все слышали про ящерицу, а некоторые даже про соню-летягу, оставляющих в зубах хищника самую заднюю конечность, но мало кто знает, что на такую же подлость способна и крыса.

Кончик ее хвоста (точнее, последняя треть) самой природой предназначен в жертву врагу, поэтому ловить за него, а тем более поднимать крысу ни в коем случае нельзя! Шкурка снимется, как перчатка, обнаженный хрящик вскоре засохнет и отвалится, а опечаленному крысоводу только и останется вопиять на форуме: «Оторвался хвост, что делать?!» Назад, увы, не пришьют, и заново он не отрастет.



Потеря хвоста покрывает крысу несмываемым позором и лишает как уверенности, так и уважения соплеменников. Ведь Хвост — главная крысиная и хозяйская гордость. Берегите его!

P.S. Некоторые «заводчики» отрезают новорожденным крысятам хвосты, потому что «покупателям хвосты не нравятся». Если сравнивать это с купированием у собак, то представьте, что щенкам «для красоты» отрубают одну из лап.

15. Про Злую Крысу

У СМЗ Лизы есть Злая Крыса. На самом деле зовут ее куда благозвучнее, и я даже знаю как, но наша с ней вендетта длится уже полгода, поэтому именовать ее иначе у меня не поворачивается язык. Стоит мне подойти к клетке, как все Лизины крысы радостно высыпают на крышу, а то и лезут мне на плечи, проверяя, не принесла ли я им вкусняшку. И только одна, полуторагодовалая сиамка, занимает позицию в верхнем углу клетки и начинает страшно на меня ругаться.

— Ф-ф-ф-ф! — плюется и шуршит зубами Злая Крыса. — Ф! Ф! Ф!

Звучит это очень внушительно и многообещающе.

— Ш-ш-ш! — отвечает Злая Тетка и дует крысе в пузо.

На крысином языке это, видно, самое страшное оскорбление, потому что

Злая Крыса подскакивает и начинает свирепо скрести решетку. Мол, ты только зайди, зайди!

— Ты только выйди, выйди! — говорит Злая Тетка и легонько тянет Злую Крысу за кончик хвоста.

— ф-ф-ф-ф! — обещает Злая Крыса, корчась на решетке. — Фы-фы-фы!

Все дверцы клетки при этом открыты, и остальные крысы с умеренным любопытством наблюдают за разборками Зла и Зла.

За время холодной войны Злая Крыса таки изловчилась несколько раз тяпнуть Злую Тетку, а Злая Тетка — безнаказанно

ткнуть пальцем в мягкое белое брюшко, так что кровной вражде суждено было длиться долго и счастливо с завещанием потомкам.

Но как-то раз я повезла Весту к ветеринару.

Вообще, походы крыс в клинику — это отдельный квест, родственный поездкам челноков в Белосток на выкупленном автобусе с битком набитыми сумками. То бишь за неделю до визита Суровые Минские Заводчики кидают клич: «А вот кому крысу полечить?!», записываются на подходящее для всех время, собираются всем цыганским табором и с песнями и плясками вламываются в клинику. Поскольку крыс у нас много, хоть одна больная или подозрительная у каждого да находится, а вместе в приемной сидеть веселее.

Обычно я вожу крыс в переноске, парами, чтобы скучно не было. Но тут как-то резко захолодало, и я решила, что одну крысу проще и удобнее будет привезти за пазухой.

Это идею нашептал мне дьявол.

Во-первых, в маршрутке на Весту напала медвежья болезнь, и уже через три остановки у меня из-за пазухи запахло свинофермой. Крыса выкакала даже то, чего не ела, причем в весьма ужиженной консистенции, и вымазалась ею по самые уши. Чтобы оттереть этот зловонный натюр-морд, мне потребовались две пачки влажных салфеток и одна сухих. В итоге запах сменился на «под елочкой кто-то накакал», но, по крайней мере, крыса перестала липнуть к рукам, а куртка — к свитеру.

Во-вторых, Лиза как порядочная девушка взяла с собой двух крыс в переноске. Одну на заклание, а другую Злую. Заклали крысу качественно, тремя рядами швов, и Лиза, побоявшись, что здоровая крыса потопчет больную и одуревшую от наркоза, попросила меня забрать Злую Крысу к себе домой. Дело было в обед, Лиза из клиники ехала на работу и вторую переноску взять не сообразила.

Я запихнула Злую Крысу за шиворот. Поскольку до этого Злая Крыса и Веста имели сомнительное удовольствие наблюдать, как усыпляют и кромсают их товарку, они вели себя тише воды ниже травы. Только по очереди сползали вниз, так что в автобусе меня приняли за беременную и настойчиво уступили место. Пришлось сесть — мужчина так гордился своим благородным поступком, что достать и показать ему двух крыс означало подписать себе смертный приговор.

Какать крысам было уже нечем, и они принялись писать. Да так качественно, что раздеваться мне пришлось в ванной — сначала прямо в стиральную машину полетел мокрый свитер, потом футболка и даже трусы.

Веста, увидев родной дом, воскресла и поскакала к

подружкам хвастаться своими приключениями.

Злая Крыса же еле выползла у меня из-за пазухи, на полусогнутых уковыляла в коробку и там рухнула. Ее не соблазнило ни детское пюре, ни кусочек хурмы, ни куриный хрящик. Она глядела на меня, как партизан на фашистов: «Ладно, гады, вы меня поймали, но, как ни пытайте, Я ВАМ НИЧЕГО НЕ СКАЖУ!»

Пришлось тем же вечером отвозить ее к хозяйке, во избежание необратимой душевной травмы.

Через неделю я снова зашла к Лизе. Крысы радостно высыпали гостье навстречу, и только Злая Крыса пристально посмотрела мне в глаза, отвернулась и ушла в гамак.

— Крыса!!! — горестно возопила я, зазывно скребя по решетке. — Как же я без тебя?!

Крыса безмолвно сидела в гамаке и показывала мне fuck хвостом.

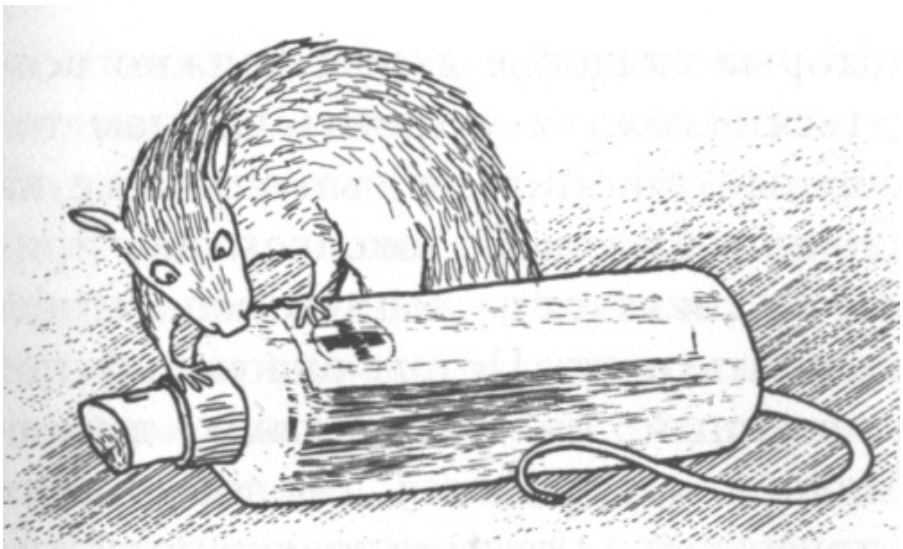
Я почувствовала себя осиротевшей.

P.S. Стресс вызывает у крыс моментальное расстройство кишечника — чем сильнее волнение, тем жиже и пахучее. В спокойной обстановке (например, во время прогулки или сидя у хозяина на плече) взрослая воспитанная крыса может терпеть до лотка несколько часов.

16. Клещ не пройдет!

Трагический Вестин поход к ветеринару окончился ничем: прописанные врачом витамины не помогли, и крыса продолжала лысеть, как низенький толстенький банкир среднего возраста. Когда ее пузо стало напоминать поро сячье — круглое и розовое с редкой щетинкой, а на шее появились расчесы, я решила-таки обработать стаю спреем от клещей, хоть анализ на них и был отрицательный. Но, может, его не из той части крысы ковыряли?

Вооружившись одолженным у Ани спреем от паразитов, я принялась по одной выпускать крыс на диван, пшикая хулиганкам на холки, а особо упитанным — и на задницы. Крысы возмущались и протестовали, требуя пересмотра дела личным дерматологом.



Спрей смердел на всю комнату. Причем не то чтобы противно, а так фальшиво-приторно, что сразу становилось ясно: тут какой-то подвох! Крысявки оголтело метались по дивану, решив, что настал конец света и в воздухе запахло адской серой. И только Паська, сведя глаза в кучку, маниакально пыталась вылизаться. Она лизалась на руках, на ходу и даже у меня в рукаве халата, хотя убей не понимаю, как она там помещалась в свернутом состоянии. Но, по моим ощущениям, ей это удавалось. Кое-как зафиксировав пасюковну на положенные пять минут (за которые снадобье якобы должно всосаться в кожу и устроить

клещам тотальный геноцид), я выпустила ее на диван, и хвостатая токсикоманка принялась гоняться за подружками, чтобы вылизать и их. Потом она нашла поставленный на подлокотник дивана баллончик, и, кажется, для достижения нирваны ей не хватало только полиэтиленового пакета.

Пришлось переставить спрей на полку.

Обработав стаю, я вспомнила про Фуджи и обнаружила ее спящей на крайней правой полке. Полку эту вместе с клеткой сделала СМЗ Аня — не иначе как из мести за рассказ про суровых заводчиков. У полки две уникальные особенности: раз — крысы ее обожают, два — выколупать их оттуда нереально. Надо выпихивать со стороны решетки, причем крысявки быстро сообразили, что спрыгивать с полки необязательно — достаточно просто отодвинуться в угол, где мой палец их не достает. Поскакав вокруг клетки с баллончиком, я плюнула и пшикнула на Фуджи прямо сквозь решетку. Секунд пять крыса, к моей радости, игнорировала непривычные ощущения, но потом все-таки решила сразиться с внезапным дискомфортом и принялась вылизываться.

Пришлось выпихивать ее с полки карандашом и нести к остальным на диван.

Бегать по дивану Фуджи отказалась наотрез. Вместо этого она тщательно вылизала мою руку, еще хранившую память о шоколадной конфете, забралась ко мне на плечо, пригрелась и начала вонять.

Старая крыса пахнет не фиалками, нет. После отита прошел уже год, но Фуджи все так же добросовестно смердит правым ухом, хотя бог свидетель: в свое время я залила туда целую бутылку перекиси водорода.

Запах спрея мигом стал приятным и ненавязчивым.

Выдержать эту симфонию ароматов дольше десяти минут я не смогла и, малодушно посчитав обработку законченной, запихала крыс обратно в клетку. Хотя они наконец прониклись санитарными процедурами и уходить с дивана не желали, цепляясь за него всеми лапками и хвостами

Прошло два часа, но дуэт спрея и Фуджи продолжает меня преследовать. И голова как-то подозрительно чешется.

P.S. Крысиный клещ совершенно безопасен для людей, он паразитирует в коже и виден только под микроскопом. Зато расчесы и пролысины заметны очень даже хорошо. Избавиться от этой напасти несложно, но комнату потом надо хорошенько проветрить.

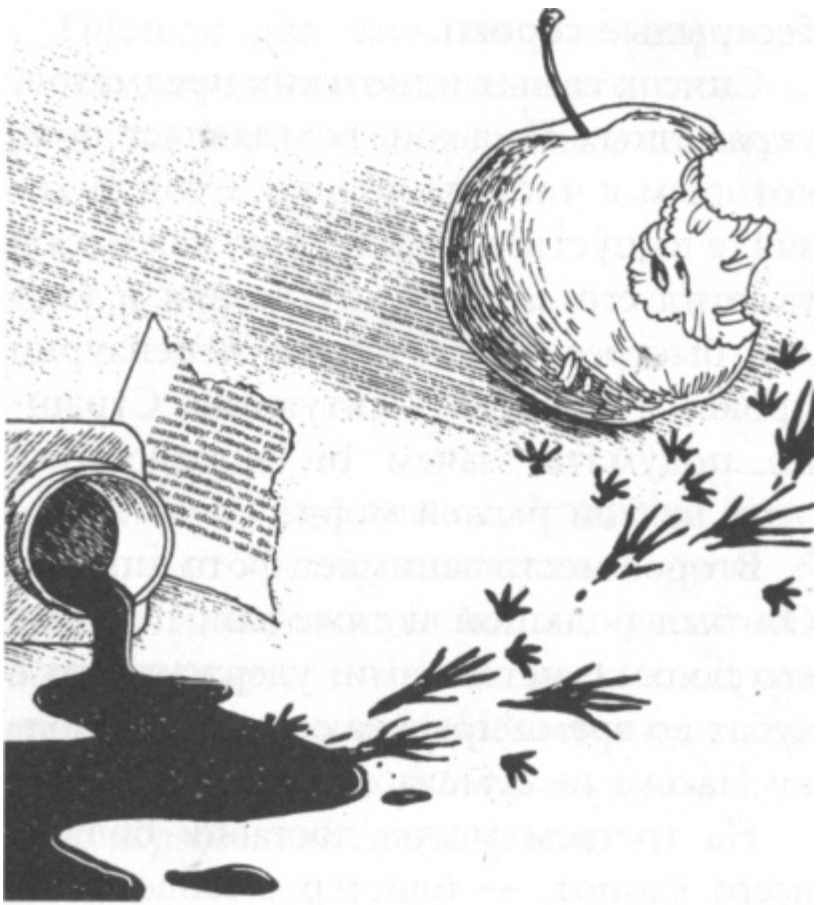
17. Держи вора!

Голубей часто называют крылатыми крысами, но крысы на самом деле — бескрылые сороки.

Список самых идиотских предметов, украденных Паськой, возглавляет нож, которым я чистила яблоко. Стоило хозяйке выпустить нож из рук, как пасюк ухватил его за середину лезвия и уволок быстрее, чем я успела нецензурно прокомментировать ситуацию. Страшно подумать, зачем он понадобился этой наглой рыжей морде.

Второе место занимает фотоаппарат. Он был большой и тяжелый, поэтому его больше нет с нами: удержать его в зубах во время прыжка со стола на полку Паська не сумела.

На третьем месте, доставив больше всего хлопот, — блистер с таблетками.

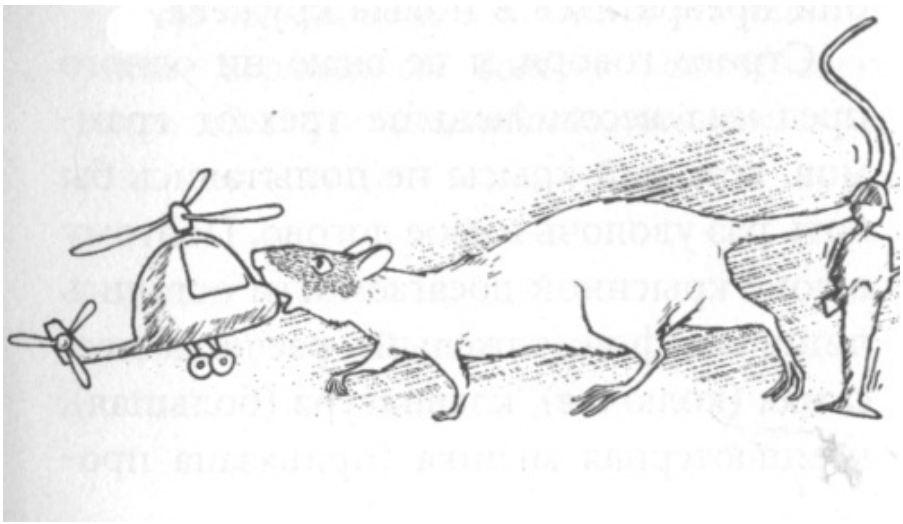


К счастью, таблетки оказались невкусными, и крысы обожрали с них только сладенькую оболочку, а потом весь день лежали грустные в гамаках, жалея, что это было лекарство для укрепления вен, а не мозгов, которых им явно не хватило...

Но больше всего, разумеется, крысы любят воровать еду. Если еды много и она мелкая вроде семечек, крысы начинают лихорадочно набивать ею пасть — вначале просто так, а потом помогая себе лапами.

Семечке на десятой продукт начинает выпадать с той же скоростью, с которой запихивается, а если поднять вороватого пасюка и посмотреть ему в фас, то удержаться от смеха невозможно: семечки торчат из пасючьей пасти, как патроны из револьверного барабана.

Если еды всего одна штука, то крыса делает стремительный бросок, хватает добычу и торопится улизнуть с места преступления. Ворючая сила пасюка уникальна: он запросто уволакивает ку-курузину или пачку печенья. Ради особо выгодного дельца крысы кооперируются: вцепляются в добычу с двух сторон и, синхронно перебирая лапками, улепетывают с проворством тараканов. Я читала, как крысы воруют куриные яйца — одна ложится на спину и держит его всеми лапками, а другая тянет ее за хвост, — но никак не могу решиться на этот эксперимент. Во-первых, я сомневаюсь, что избалованные йогуртом и креветками крысы польстятся на сырые яйца. Во-вторых, судьба фотоаппарата стоит перед глазами, а он с пола соскребся куда легче...



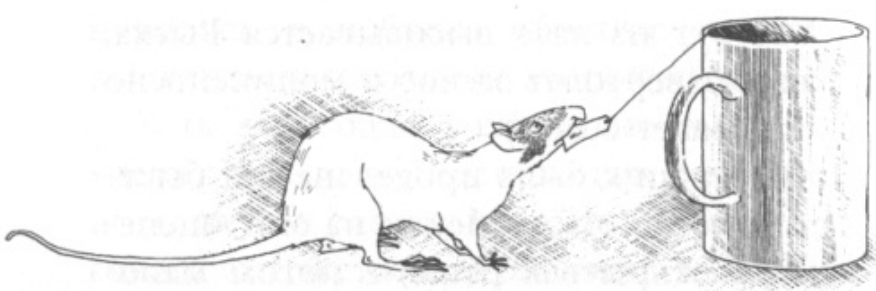
Если еда торчит изо рта у самой хозяйки, то пасюк совершенно не стесняется подойти, встать на дыбки и попытаться

ее выдернуть. Еще и упрется в губы передними лапами: ну же, отдавай! Точно так же крысы отнимают еду друг у друга, причем любой крысенок может преспокойно проделать это даже с Паськой — у крыс, в отличие от собак, нет иерархии во время кормежки. Кто сильней и голодней в этот момент, тот и отнял — а не «вожак в любом случае ест первым». На днях с Вестой приключился прискорбнейший случай: ей бог в моем лице послал сухую корочку, и толстуха, радостно пыхтя, поволокла ее к любимой коробке с дыркой. У самой дырки остановилась перевести дух, а из нее внезапно высунулась Белочка, выдернула трофей и скрылась вместе с ним. Все, прощелкала! Даже не попытавшись отбить украденное, Веста понурилась и побрела обратно: проще выклянчить у хозяйки второй кусок.

Есть еще одна разновидность еды, удержаться от экспроприации которой не может ни одна крыса. Эта еда расфасована в пакетики, привязана к веревочке и зачем-то опущена в кружку с кипятком. Если хозяйка теряет бдительность, то крыса вытаскивает пакетик за веревочку из еще полной кружки и сладострастно потрошит его в укромном уголке. Особой любовью пользуется каркаде с кусочками фруктов. Хотя по большому счету сойдет любой чай. По-моему, воровок привлекает сам процесс потрошения.

Как-то раз объявил мой ребенок крысам войну: принес коробку пластиковых солдатиков, самолеты, вертолеты, пушки, тачанки и выстроил вдоль клетки.

Слышу, командует: «Мы захватили вражескую крышу!» Поставил на клетку флаг и солдата с пулеметом. «Мы захватили вражеский вход!» Поставил вертолетик напротив лаза за клеткой.



И тут из лаза высовывается Рыска, хватает вертолет за нос и молниеносно утаскивает в нору.

Операция была проделана так быстро и четко, что ребенок на миг оцепенел с открытым ртом, а потом малодушно завопил: —

МАМА!

Пришлось вмешаться союзным войскам в моем лице и организовать спасательную операцию с отодвиганием вражеских заграждений.

Вертолет удалось спасти. Но в глубоком тылу врага выяснилось, что крысы успели тайно снять часового и зверски разорвать его в клочья размером с горошину...

Еще одна крысиная слабость — бумажки и тряпки. Из них за клеткой возводятся роскошные хоромы, стенки которых крысы меланхолично глодают во время отдыха. Если вам надоели старые шторы, поставьте рядом клетку. К утру они превратятся в новые кружева.

Строго говоря, я не знаю ни одного предмета весом меньше трехсот граммов, который крысы не попытались бы хоть раз уволочь в свое логово. Поэтому в зоне крысиной досягаемости остались лишь телефон (тяжелый), расческа-мас-сажка (колючая), клавиатура (большая), компьютерная мышка (привязана проводом, хотя зачастую это не становится для крыс помехой) и глиняная статуэтка собачки (не соответствует эстетическому вкусу крыс). Вот так злокозненные пасюки приучают к аккуратности даже самых жутких нерях!

P.S. Если дотянуться до еды мордой нельзя или еда слишком горячая, холодная, лезущая в нос или липнущая к усам, крысы черпают ее лапами, а в кувшин с узким горлышком вообще могут засунуть хвост и облизывать уже его.

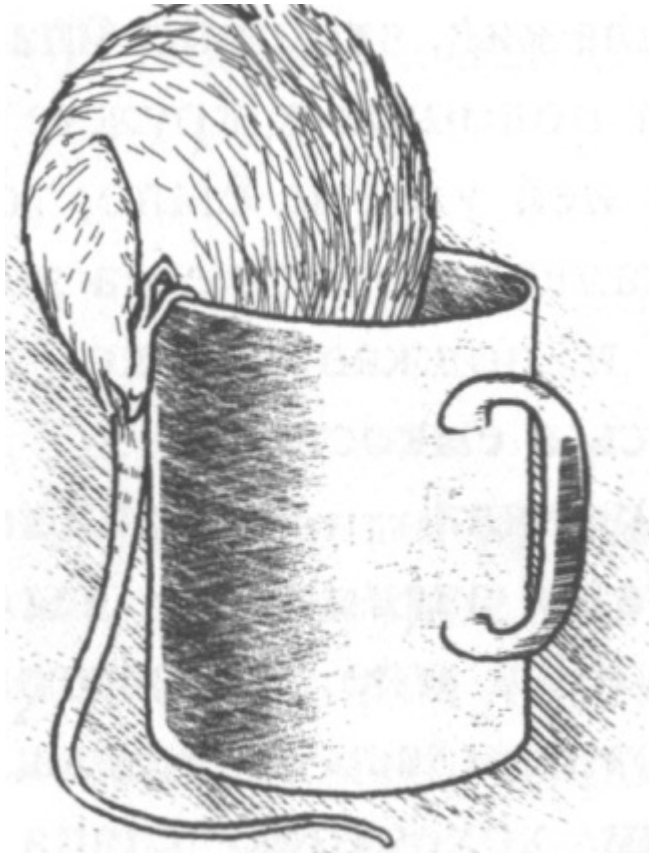
18. О вреде вкусной и нездоровой пищи

Компьютерный стол в крысовыгуле — это Спорные Пограничные Территории, куда регулярно совершают набеги кочевые орды крыс.

Набежав, крысы вытаптывают клавиатуру, разграбляют тарелки и уводят в плен плюшевую игрушку-мышку, уже давно потерявшую товарный вид и возвращаемую хозяйкой на место из чистого упрямства.

Но сегодня кочевниками было совершено беспрецедентное преступление: стоило мне отлучиться на пару минут, как вроде бы мирно спящие по гамакам и норам крысы провели разведку боем и уперли с бутерброда кусок слабосоленой семги. Ну или она ожила и улетела через форточку, но этот вариант показался мне менее правдоподобным.

— КРЫСЫ!!! Мэрзкие пысы! — свирепо поинтересовалась я, изучая отпечатки маленьких когтистых лапок на масле бутерброда. — Кто спионерил мою семгу?!



Все обозримые поверхности крысовыгула пустовали, и только из-за клетки доносилось ехидное хихиканье. Печально посмотрев на осиротевший бутерброд, но поленившись производить репрессии, я выкинула огрызок в мусорку и взяла к чаю более диетический гречневый хлебец. На том бы истории и закончиться, а мерзкому преступлению остаться безнаказанным, но, как известно, добро всегда побеждает зло, ставит на колени и жестоко убивает.

Я успела увлечься работой и позабыть о своей утрате, когда на столе вдруг появилась Паська. Вид у нее был очень странный. Я бы сказала, глубоко озадаченный и сосредоточенный на непривычных внутренних ощущениях.

Пасюковна подошла к кружке с чаем и внимательно ее обнюхала. Обычно, убедившись, что чай слишком горячий, а у пакетика нет веревочки и он лежит на дне, Паська уходила (сделав, разумеется, пометку «подойти попозже»). Но тут она повертелась, покрутилась, сунула в кружку морду, обожгла нос, фыркнула и принялась со страдальческим видом зачерпывать чай

лапой, поспешно на нее дуть и пить.

— Паська, — сурово спросила я, — а что насчет официальной поилки, ы?

Паська посмотрела на меня с осуждением. «А ты пробовала напиться холодной водой, когда у тебя жуткий сушняк?!»

— Может, тебе еще пива налить? — ехидно поинтересовалась я.

Крыса оживилась, но быстро разгадала сарказм и обиженно убралась за клетку.

Прошло еще пять минут.

Паська вернулась. Суда по осоловевшему взгляду крысы, кружка притягивала ее, как дудочка крысолова. Не тратя время на обычные кругаля, она прями-

ком кинулась к источнику живительной влаги. Теперь чай был похолоднее, и крыса пила долго и неотрывно.

— Пася, — сурово сказала я, отдирая крысу от кружки и поднимая на уровень своих глах. В крысе булькало и плескалось. — Ты слыхала поговорку: «На воре шапка горит»?

«Ничего не было, йогуртом клянусь! — возмутилась Паська, скрещивая задние лапки. — Это возмутительная клевета! Что, мне уже и чаю попить нельзя? Сама вон целыми днями его гоняешь!»

Я сделала вид, что поверила. Но, когда Паська подошла к кружке в третий раз, чая в ней уже не было, только несколько капель в ободке на дне. Тяжко вздохнув и поджав брюхо, животное ввинтилось в емкость.

«Я все поняла, — говорила ее скорбная хвостатая задница. — Ты НАРОЧНО подсунула мне эту чертову семгу, чтобы я отравилась и умерла, а теперь сатанински хохочешь, глядя на мои страдания». Пришлось идти и опять заваривать чай. А то как же мы без пасюка-то? Без пасюка — скучно!

P.S. Крысам нельзя соленого, жирного, жареного, копченого и сладостей. Это не означает, что разовое нарушение диеты приведет к немедленной кончине, но и без того короткая крысиная жизнь требует максимально здорового ее образа.

19. Крысы и дети

Ребенок, укушенный крысой, звучит так: сначала изумленное «ай!», потом пауза, во время которой жертва в ужасе таращится на хлынувшую кровь, потом длинное нарастающее: «А-а-а-а-А-А-А-А!!!» — и приближающийся топот.

Если это гостевой ребенок, то его мама очень пугается. Она роняет печенье, обливается чаем и мчится навстречу любимому чаду в полной уверенности, что оно выбило глаза, сломало руку или вообще шею. Мое философское: «Да ерунда, его просто крыса тяпнула!» почему-то ее не успокаивает.

Я всегда честно предупреждаю гостей, что крысы кусаются. Но дети они такие, дети! Они твердо уверены, что я возвожу поклеп на это маленькое, славное, пушистое, так умильно блестящее из-за прутьев черными и красными бусинками! Как тут не сунуть палец сквозь решетку. А коварные пасюки-людоеды тут же с наслаждением вонзают зубы в нежную детскую плоть. Может, она в шоколаде вымазана. Может, крыса вообще спросонья не поняла, чем ее в морду ткнули. А может, поняла и крайне оскорбилась.

Если крысы не кусаются, я все равно говорю, что они кусаются. Потому что иначе дети тут же начнут проверять их на прочность, после чего кусаются даже самые добрые и терпеливые. Так что моя совесть чиста.

Поэтому, когда Суровым Минским Заводчикам звонят потенциальные покупатели и гордо сообщают, что хотели бы завести крысу для трехлетнего ребенка, в ответ раздается мрачное «кхм...», в равной степени наполненное жалостью к детям и к крысам. После длинного содержательного разговора часть покупателей отказывается от этой идеи, часть по большому секрету признается, что «вообще-то я для себя беру, но мне нужен предлог для мужа/жены/прочей родни»... А часть, увы, идет в магазин или на рынок и все равно совершает эту ошибку.

Животные в доме действительно очень важны для ребенка. Но большинство родителей почему-то уверены, что «для начала» ему подойдет что-то мелкое и скоротечное — вроде хомячков, рыбок и крысок. В таких случаях я всегда вспоминаю зловещую шуточку: «Чтобы привить мне любовь к природе, родители купили золотую рыбку. Двадцать рыбок спустя я понял только одно: все, кого я люблю, умирают». Нельзя просто вручить ребенку зверюшку и отойти в сторону, полагая, что он сам разберется, что к чему. Ведь на самом деле любовь к природе детям прививают не животные, а родители. Если ребенок с

рождения видит, как родители ухаживают за крысами, как кормят их, целуют, лечат, как относятся к ним, — только тогда он осознает, что это не игрушка, а живое существо, почти член семьи. Поэтому я спокойно поручаю пятилетнему сыну выгул стаи, а от восьмилетней дочери подруги прячу клетку в дальней комнате. И потом все равно заклеиваю ей палец пластырем, а крысы еще долго смотрят на меня с осуждением.

Крысы и дети прекрасно сочетаются — если это ВАШИ дети и ВАШИ крысы.

А трехлетнему ребенку лучше купите кубики.

P.S. Не кормите крыс сквозь решетку — иначе просунутый между прутиками палец начнет автоматически считаться едой. Даже если это хозяйский палец. Крысе потом будет стыдно, а вам больно.

20. Три стадии крысомании

I стадия

«Ой, муж, а можно я крысявку заведу, а то мне скучно как-то?»

Крыса тщательно выбирается, торжественно покупается, привозится домой в выходной или вообще праздник, демонстрируется всем гостям и вводится в семью путем поднимания мужем за хвост. Получает благосклонное одобрение. Иногда муж даже умиленно застывает напротив клетки и любуется крысой. Крыса смотрит на него с плохо скрываемым отвращением.

II стадия

«Ой, муж, а можно я заведу вторую, а то первой скучно как-то?»

Муж мнется, но глядит на печальную крысу (это женский заговор!) и соглаша-

ется. За крысой к заводчику заскакивают вечерком, по дороге из магазина или даже в магазин, мимоходом показывают мужу и запихивают в клетку. Крысы всю ночь упоенно дерутся и орут, демонстрируя, как им теперь весело.

III стадия

Муж, проходя мимо клетки, случайно замечает, что в ней как-

то уж больно изобильно кишит.

— Эй, да тут новая крыса!

Жена, поспешно делая невинно-изумленные глаза:

— ДА НЕУЖЕЛИ?!

P.S. О, это грозное слово «крысолимит», преследующее крысоводов! Чтобы узнать, сколько крыс поместится в вашей клетке в соответствии с заветами Гринписа, вычислите ее объем в литрах и поделите его на 60. Это теоретический крысолимит. Практический — в два раза больше, потому что устоять невозможно.

21. Про понаехавших

Крысы — стайные животные, как не забывают повторять Суровые Минские Заводчики, норовя впарить покупателю две, а лучше три крысы вместо одной... в смысле, чтобы бедняжки не страдали от одиночества!

Беда в том, что стая в понятии крысы — это уходящая вдаль вереница потомков одной пары. А в нашем — «Ой, хочу рыженькую! И с пятнушком! И фазза!»

«Ну вот, опя-а-ать... — тоскливо говорит стая, когда им в клетку впихивают очередную подселенку. — Лучше б ты нам крысака дала! И была б тебе СТАЯ, да о-го-го какая, и без всяких проблем!»

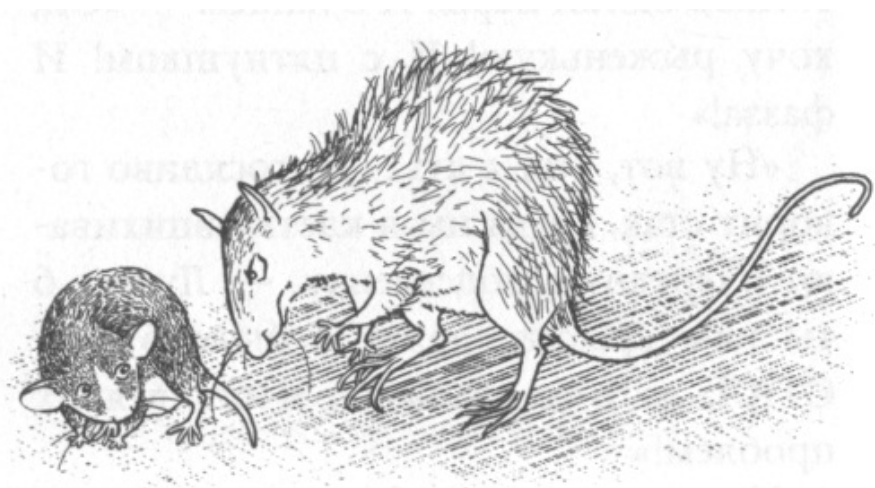
Но приходится работать с чем есть.

Первой на инспекцию понаехавшей (в данном случае — Холеры) выдвигается Паська.

«Та-а-ак, — фыркает она, — эт-та еще что такое?! Вас тут раньше не сидело!»

Понаехавшая раболепно сжимается в комочек. Паська, напротив, сурово раздувается, остальные крысявки пока кружат рядом, не вмешиваясь в разборки начальства.

«А ну-ка покажи прописку!» — командует Пасюха.



Холера покорно переворачивается пропиской кверху. Паська вдумчиво, как коньяк десятилетней выдержки, обнюхивает предъявленное. Глаза у нее блестят все сердитее, фырканье все громче, шерсть все пушистее. Мелочь, не выдержав, начинает орать от страха: «Гражданка начальница, не виноватая я! Меня

заставили!»

Замечено: чем громче и жалостливее орет понаехавшая, тем легче проходит подселение. Видно, Паське уши закладывает и она долго эту сирену не выдерживает. Но для порядку документ все равно компостирует.

«Ай-ай-ай!» — с треском и чириканьем летит по клетке понаехавшая, сшибая миски и домики. За ней мчится Паська, за Паськой остальная стая. Циничному стороннему наблюдателю кажется, что хотели бы — догнали. В конце концов таки догоняют, и сцена повторяется. Вожак у нас — суровый, но справедливый. Через час понаехавшая имеет изрядно потрепанный и поцарапанный, но, в общем, без лишних дырок вид. Который еще должны завизировать нижестоящие начальники.

«Ага-а-а! — подходит к Холере Белочка. — Наконец-то тут появился кто-то, кого я могу шпынять, как два месяца назад шпыняли меня. Ф-ф-ф! Бойся, презренная!»

Мелочь орет и готовится к смерти, но у нее неожиданно находится защитница.

«Эй, я не поняла — кто тут вожак?! — фурией прыгает с полки Паська. — Кто тут ЕДИНСТВЕННЫЙ имеет право карать и миловать?!»

В клетке снова начинаются вопли и беготня, о Холере же благополучно забывают.

Вообще-то с Белочкой Паське одни мучения. Белочкина мама — лонгхайр, от которого Белочка унаследовала крайнюю непрочность шерсти. И когда Паська пытается традиционно щипануть штрафницу за попу, в зубах остается белый клок.

«Тьфу, тьфу, какая пакость!» — плюется пасюк, брезгливо морща морду. Я спешу на помощь, и Паська с явным облегчением позволяет прочистить себе пасть. В этот момент она выглядит как молодой Дед Мороз, только-только начавший отращивать белую бороду — и она еще редкая и стоит колом.

Тем временем понаехавшей осталось получить последнюю печать — но это уже чистая формальность.

«Тетя крыса, тетя крыса! — прыгает Холера вокруг Весты. — Поиграй со мной!»

«Иди отсюда, девочка! — огрызается толстуха. — Я тебя не знаю!»

«Сейчас узнаешь!» — Холера, не обращая внимания на насупленную морду «тети», прыгает ей на спину. Веста с визгом опрокидывается — она у нас паникерша, и раз кто-то на нее напал, значит, этот кто-то наверняка может навешать ей люлей! Не выдержав психической атаки, толстушка убегает в гамак и

занимает там глухую оборону.

Холера разочарованно бродит по клетке, натыкаясь то на Паську, то на Белочку, которые неизменно загоняют ее в угол и хорошенько валяют. Из гамака ее Веста выкидывает — бескровно, но неумолимо.

Наконец, устав, бедный маленький крысенок находит единственный тихий островок в этом дурдоме — полочку Фуджи. Бегло обнюхав новенькую и убедившись, что для еды она непригодна, Фуджи засыпает снова, и Холера пристраивается у нее под боком, проклиная Суровых Минских Заводчиков с их «стаями»...

Подселение можно считать состоявшимся.

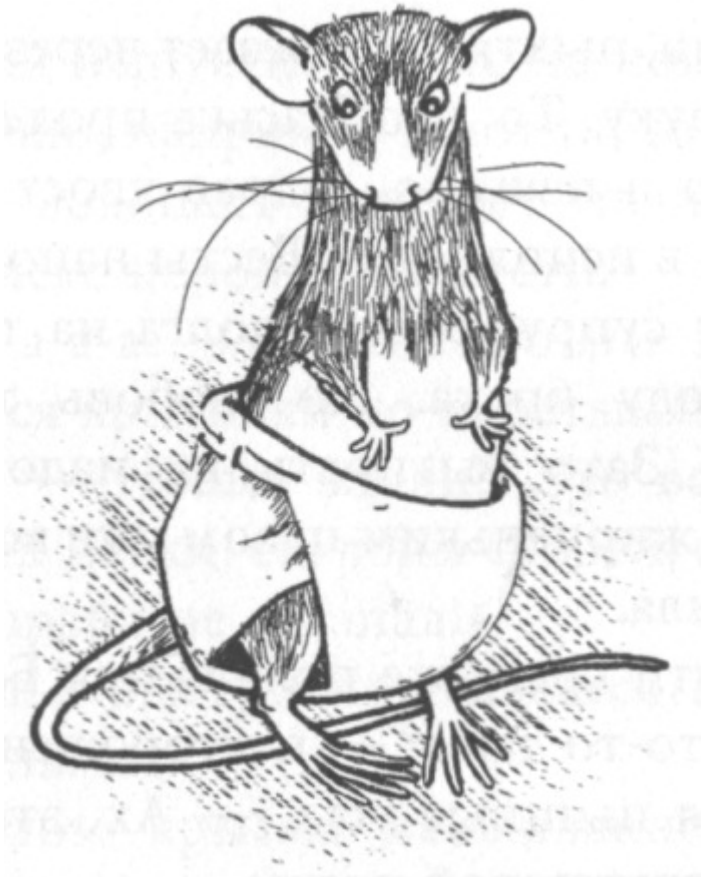
P.S. Существует два способа подселения. Первый — постепенный: крыс знакомят на нейтральной территории, вмешиваясь при первых признаках конфликта. Честно говоря, у меня он никогда не срабатывал — лишенные возможности высказать понаехавшей все, что они о ней думают, старожилки злятся еще больше. Хотя, по рассказам других крысоводов, метод действенный. Но Суровым Минским Заводчикам ближе второй, стрессовый: крысы запихиваются в переноску, и хозяйка, «помахивая ею и громко распевая матерные песни» © СМЗ Лиза, отправляется на прогулку часа на два-три. Общие невзгоды сплачивают бедолаг, и подселение проходит на порядок спокойнее.

22. Крысы — Мелкие Писы

Приходит ко мне Главная Крыса.

«Хозяйка! — сентиментально блестят ее глаза. — Ты самая-пресамая хозяйка! Ты же самая моя, правда? Ты знаешь, как я тебя люблю?! Я тебе сейчас покажу! Смотри! Вот у тебя была лысая, сухая, противно пахнущая мылом рука, а теперь — алле-оп!»

— Пасюха! — с досадой восклицаю я, ловлю Холеру и вытираю ею щедрый Паськин дар. Лерке полезно, она еще не до конца пропиталась коллективным духом и оттого порой получает от старожилок затрещины. Но волшебное зелье творит чудеса. Холера с каждым днем все больше лоснится, пушистеет, а нынче и вовсе пошла роскошным серебряным крапом. Как там мы с подругами шуточный лозунг для сайта уринотерапии сочиняли? «Ох, моча моя, моча, ты свежа и горяча! Кто тебя на завтрак пьет, тот здоровенький живет. Кто тебя на тело мажет, тот становится все гаже... то есть глаже!»



Приходит Веста и долго, сосредоточенно нюхает вытертую руку. «Как! — трагично дрожат розовые лопоуш-ки. — У вас тут была любовь БЕЗ МЕНЯ?! Но я же лучше! Я лучше этой Писухи, правда?! Смотри, насколько я лучше!»

Веста, пыхтя, перелезает через хозяйскую руку. То, что Паська проделывает быстро и изящно, задрав хвост пистолетом, в исполнении Весты напоминает отдачу супружеского долга на тридцатом году брака. Но любовь требует жертв! Зато вытирать не надо. Веста своим жирненьким пузом уже все заполировала.

Почти сразу же появляется Белочка. «Тут что-то дают? — настороженно шевелятся пышные усы. — Ах, это всего лишь групповой попис...»

Белочка с презрительным видом перепрыгивает через хозяйскую руку и, как бомбу, роняет на нее большую тяжелую каплю.

Хозяйка с обреченным вздохом ловит Холеру. Сердиться на писючих животных бесполезно. Крыса так устроена. Из нее постоянно что-то течет. Видно, когда Бог сдавал ее в

эксплуатацию, то забыл согласовать конструкцию с сантехниками. А крыса пробежала несколько шагов и протекла.

Если выпустить крыс на новую территорию, например постель, то ниагарский водопад начинает испытывать комплекс неполноценности.

«А-а-а-а! — с лошадиным топотом носятся крысявки по простыням и одеялам. — Новые земли!! Это все наше, наше!!! Девки, столбим скорей, пока чужой прайд не захапал!»

Белье быстро покрывается мазками и каплями.

Потом крысам неожиданно становится страшно. А вдруг в белых одеяльных торосах живет жуткий монстр, который сейчас схарчит их за самоуправство?!

«Хозяйка!!! — наперегонки мчатся они ко мне. — Хозяйка, спаси нас, а мы за это отдадим тебе самое лучшее, что в нас есть!!!»

— Крысы, — тоскливо говорит хозяйка, когда крысявки горохом сыплются ей в рукава и за шиворот, оставляя «дары» на входе, — ведь если я отвечу вам взаимностью, вы утонете!

Крысы сидят за пазухой, щекочутся усами и чувствуют себя совершенно счастливыми. А Холера — еще и немножко мокрой.

P.S. В природе крысы непрерывно метят территорию и друг друга, создавая уникальный «запах стаи», который их сплачивает. Если крыса уйдет из стаи на несколько дней, по возвращении ее непременно переметят с ног до головы, помогая влиться обратно.

23. Женское общежитие и общеразвратие

У Белочки течка.

А Белочка у нас девица вредная, но молодая и красивая: тот самый долгожданный (почти год!) черноглазый гималаец. Стоит ей страждуще припасть к полу и затрепетать ушками, как на нее тут же, как гимнаст на «козла», вскакивают Паська и (о ужас и позор, растление малолетних!) Холера. И бессовестно сливаются с ней в экстазе.

Но Белочка почему-то не в восторге от подружеской помощи (или у крыс принято кочевряжиться?) и улепетывает от насильниц с топотом и писком. Сначала громким, потом хриплым. «О боже, я попала на остров Лесбос!» — кричат ее выпученные от ужаса глаза.

Веста и Фуджи взирают на оргию с верхней полки. Фуджи равнодушно, как благонравная вдова, а Веста с откровенным злорадством. Она помнит, как неделю назад Белочка скакала на ней самой, а учитывая разницу в весе и, соответственно, подвижности, выглядело это так, будто весенний зайчишка изливает свою страсть на большой медлительной черепахе. Веста, правда, орала тише и мелодичнее, с надеждой косясь на Паську, — но, видно, наша пасюковна предпочитает блондинок. Да и вообще до появления Белочки девицы вели себя куда скромнее и о своих критических днях молчали как партизаны.

Наконец мне становится жалко сексуальную рабыню — ловлю ее, взъерошенную и осунувшуюся, и прячу за пазуху.

Пару минут Белочка вылизывается, вычесывается и тяжело вздыхает. Потом под халатом становится как-то подозрительно, я бы сказала, выжидательно тихо. Я оттягиваю воротник,

заглядываю внутрь. На меня смотрят два умоляющих глаза и трепещущие ушки.

— Изыди, демон! — со смешком изрекаю я и запихиваю гималайского суккуба обратно в клетку.

P.S. В однополых стаях крысы зачастую имитируют «любовные игрища», с писком наскакивая друг на друга. Это совершенно нормально, и показывать их сексопатологу не надо. Разве что сам сексопатолог заинтересуется.

24. Крысота

В приличных домах люди встают с петухами, а в нашем — с крысами. Хозяйка нагребает в охапку побольше крыс, несет к тем, кто еще бессовестно дрыхнет, и запускает под одеяло. Крысы, обожающие эту процедуру (с утра толпятся у решетки), принимаются шумно играть в догонялки, щекотаться, а то и пробовать на зубок наиболее аппетитные части тела. Через считаные минуты жертва бодра и зла и требует изгнать крысостадо с ложа.

Подходишь к кровати — а крысы уже успели набегаться, соскучиться и радостно мчатся навстречу, просятся на ручки. Приятно. Чувствуешь себя не то Крысоловом с дудочкой, не то Крысиным королем.

Но сегодня заспалась как раз хозяйка, и хозяин решил отомстить: подошел к клетке, цапнул первую попавшуюся, самую большую, крысу — Весту и, дьявольски хихикая, закинул в пододеялье.

Как вы думаете, что происходит, когда толстая теплая крыса забирается к хозяйке под мышку, умиротворенно пристраивает морду на плече и начинает мурлыкать — щелкать зубами?

Вернувшийся через десять минут муж с неимоверным возмущением обнаружил нас сладко спящими в обнимку, Пришлось будить по старинке: срывать одеяло и щекотать за пятки.

* * *

Открываю я рассеянно нижний ящик стола, а там...

— А-а-а, крыса!

— А-а-а, человек! — заверещала Белочка, когда я рефлекторно, но цепко ухватила ее за хвост.

Оказывается, поганка упала с крысовыгула и, пошмыгав по комнате, обнаружила лаз в ящик со стороны стенки. Бедные, бедные учительницы, которым в лучших традициях школярства подсовывают мышей в стол! Если уж даже я завизжала...

* * *

Решила я как-то подстричь Белочке когти. И так и эдак пытаюсь ее зафиксировать — ни в какую, вертится! А когти уже на задних лапах — как у орла. Пришлось мужа на помощь звать.

— Хо-хо-хо! — голосом Темного Властелина сказал муж, быстро и намертво фиксируя крысу: одной рукой за тушку под

передними лапками, второй — натягивая хвост.

Белочка икнула, вытаращила глаза и замерла, а я радостно набросилась на нее со щипчиками.

Когте на третьем крысявка поняла, что происходит что-то очень страшное: сначала ей остригут когти, потом пальцы, а там, глядишь, и до лапок черед дойдет. На протестующие вопли кровожадные хозяева внимания не обращали, и тогда Белочка прибегла к последнему аргументу: поднатужилась и метко брызнула мужу в глаз тонкой струйкой.

Так и бегает недостриженной, бессовестная.

* * *

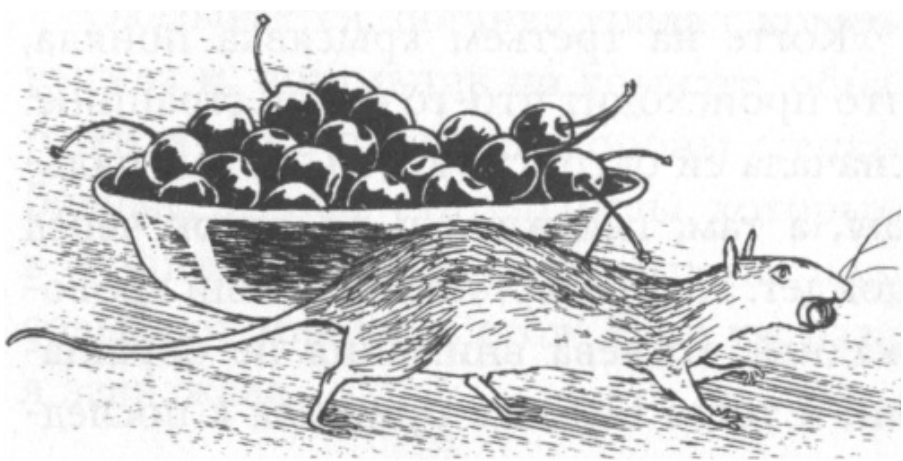
Однажды мои крысы стали пахнуть керосином. Натуральным таким керосинчиком, ну, может, бензинчиком слегка.

Я встревожилась и позвонила Суровым Минским Заводчикам. Полчаса они с пристрастием инквизиторов допытывались, как чувствуют себя крысы — не лохматы ли, не грустны ли и в порядке ли драгоценные крысячьи почки?

Крысы были резвы, упитанны, блестящи, и моча их была кристальна.

Наконец мы пришли к выводу, что крысам не понравилась глобальная уборка клетки с мытьем горячей водой под душем. И «керосином» пахнут свежие, обильно возобновленные метки.

Истина открылась мне только три дня спустя, во время очередной уборки крысовыгула.



За клеткой лежала... килограммовая гора скорлупок от вишневых косточек. Я вишню очень люблю и в сезон ем ее килограммами. С крысами, разумеется, делюсь, но прежде они относились к кислой ягоде и твердой скорлупе с презрением. А

потом какая-то пасю... в смысле первооткрывательница обнаружила, что под скорлупой скрывается вкусное ядрышко. Надо только дождаться, когда хозяйка объест красную дрянь и оставит миску с костями на столе.

Крысы пахли не керосином.

Крысы пахли цианидом.

P.S. В рацион крыс можно и нужно включать косточки вишен, слив, абрикосов — пусть чешут зубы. Но все хорошо в меру!

25. Крысозвезды

Крысоводам нельзя смотреть фильмы про крыс, особенно ужастики. Когда огромный всклокоченный монстр разевает над героем слюнявую пасть, крысовод падает от смеха с дивана или с позором изгоняется из кинотеатра. Ладно если пасть просто зубастая. Но в большинстве случаев она клыкастая, причем в три ряда, — в то время как у грызунов, даже самых крупных и кусачих, есть только резцы и далеко в глубине коренные жевательные зубы. Еще восхитительнее смотрится на экране крысиная орда (бегущая с корабля или по чумному городу), в которой мелькают статисты с дамбоушами, рекс-шерстью или вообще пятнистые. А что делать-то? Изловленные на помойке крысы не желают добровольно сотрудничать с режиссером, поэтому приходится идти на поклон к заводчикам.

— Вот, например, вчера попросили белую крысу для съемок фильма про мальчика-наркомана, — рассказывала мне СМЗ Лиза, — у которого в этой жизни только одна радость — ручная крыса.

Заводчица помолчала и добавила:

— Я дала им Злую Крысу.

Я поняла, что радостей в этой жизни у мальчика нет вообще.

— А она их не перекусает?!

— Не должна, — неуверенно сказала Лиза. — Надеюсь...

На чужбине Злая Крыса действительно поумерила людоедский пыл, но вернулась домой в еще более дурном настроении, чем уезжала, до конца жизни возненавидев детскую наркоманию.

Второй мальчик был очень положительный и вообще великий художник. Юность его прошла в крайней нищете, и, чтобы подчеркнуть трагизм положения, режиссер задумал эффектную сцену: бедный ребенок спит на полу в своей клетушке, заваленной тряпками и горшками, а вокруг него бегают дикие голодные пасюки.

Агути у Лизы не оказалось, и на роль пасюка была избрана бурмизка — дамбоухая, но издалека более-менее похожая на дикаря. А чтобы крыса не перенервничала по дороге, в переноску за компанию сунули черную блейзочку Вербу (мать и копия Холеры).

Увы, попав под объективы камер, бурмизка застеснялась и удрала в ближайший кувшин, откуда ее долго выковыривали всей съемочной группой. И роль примадонны досталась безвестной статистке, то бишь блейзу.

«Мотор!» — скомандовал режиссер, и к безмятежно спящему

бедному мальчику стал подбираться дикий голодный пасюк черного цвета, с белыми лапками, белым клинышком на морде и дамбоушками, которые крысы этой линии умеют трогательно складывать фунтиком.

Увидев жужжащую наезжающую камеру, Верба поднялась на дыбки и с интересом уставилась в ее дуло.

— Кыш, дикий пасюк, кыш! — забеспокоился режиссер, делая крысе страшные знаки.

Крыса убоялась и кинулась прятаться — к мальчику в ухо. К ее возмущению, дырочка оказалась маловата, но «пасюк» рассудил, что это, наверное, только вход, дальше будет попросторнее, и принялся раздвигать ухо лапами.

Мальчик, как истинный актер, не двинулся с места, но стал корчить такие гримасы, что съемку пришлось прервать. Тем не менее, Вербу в этом эпизоде таки отсняли, и теперь она наверняка ужасает зрителей своим розовым носом и алчно горящими глазами.

В третий раз крысы понадобились безумному ученому, создающему сверхлюдей, наделенных суперспособностями. Начать он решил с крыс, и за Лизой опять приехал черный лимузин со съемочной группой.

— Ты не боишься, что твои крысы обретут суперспособности и поработят мир, начиная с твоей квартиры? — глумилась я, но Лиза была тверда в намерении осветить крысявок с

положительной стороны. А то всё триллеры, ужасы, документалистика, а нежная и трепетная крысиная натура так и остается сокрыта от массового зрителя!

«На опыты» отправились целых восемь крыс, в том числе та, что чуть не съела юного художника. В коллективе они вели себя смелее, да и роли у них были попроще: побегать по лабиринту, попищать в руках у злого гения.

Особенно очаровала безумного ученого фазз Муся. Муську я вечно обзываю «жертвой генетики» — едва припорошенная пушком, в складочках, с неимоверно выразительной мордой и курчавыми усами. Самый талантливый гример не смог бы сделать ее страшнее, чем она есть. При этом Муся очень дружелюбная и деятельная, так что главная роль в порабощении мира была отведена ей. Крыса покладисто ела «мутаген», крутила хвостом и бегала по лабиринту. Правда, съемки затянулись на несколько часов, а крысы шустрые, но быстро устающие животные. Поэтому последние дубли выглядели так:

— Камера! Мотор! Толкайте крысу!!!

Помощник как можно дальше протягивал руку, чтобы не попасть в кадр, и пихал Мусю пальцем в попу. Крыса обреченно пробегала несколько шагов и снова застывала, не желая двигать ни науку, ни киноиндустрию.

Остальные «актрисы» тем временем тоже изгалялись над оператором, как могли: то собьются в кучу, вместо того чтобы кидаться наутек, то посреди «судьбоносного опыта» сворачиваются и вылизываются под хвостом, то скачут друг на друге, привнося в сюжет незапланированную эротику...

Результата, к сожалению, ни в одном случае нам так и не показали. Увидите — пишите. Очень хочется узнать, поработила ли Муська мир. Если да — не переживайте, она добрая!

P.S. Съемки, выставки, походы в гости вызывают у крыс стресс, поэтому злоупотреблять всем этим не стоит — как и повсюду таскать крысу с собой. Поиграли полчасика — положите на место!

26. Мальчики — налево, девочки — направо!

Крысы — не попугайчики-неразлучники, чтобы содержать их семейными парами. Мир и любовь у них будут только на одну ночь, а потом пойдут грызня и дети. Поэтому начинающему крысо-воду нужно сразу определиться, на чьей он стороне.

Чем же крысаки отличаются от крысявок?

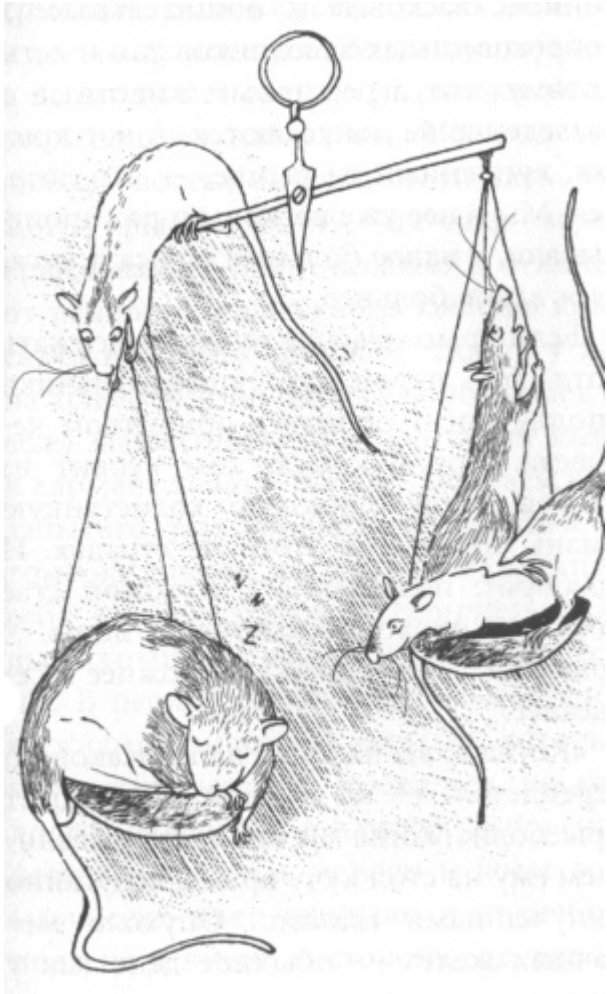
Прежде всего — сдвоенным агрегатом под хвостом. Агрегат сей не по чину велик и сразу привлекает внимание, особенно когда свешивается из гамака или сквозь решетку. Мне при виде этого великолепия сразу представляется престарелая аристократка, приглядывающаяся к крысиной гордости в лорнет и чопорно восклицающая:

«Фи!» Но крысоводы — народ закаленный. Раз уж к хвосту привыкли, то к «фи» и подавно. Тем более что у крысаков есть и другие достоинства, не столь двусмысленные.

«Хорошей крысы должно быть много!» — утверждают владельцы-шовинисты, умиленно тиская свою яйценосную прелесть. Крысаки примерно вдвое больше крысявок — особо заботливые хозяева умудряются раскормить их почти до килограмма. Когда такое сур-кообразное чудо привозят на свадьбу, невеста пугается и с воплем кидается к хозяйке на шею: «Дорогая мама, забери меня отсюда, я лучше в монастырь пойду!» Крупный крысак и мелкая крысяв-ка выглядят как разные виды, особенно если они разного окраса и типа шерсти. В природе точно так же, и если вы увидели здоровенную крысу, шмыгнувшую под ларек с шаурмой, то не сомневайтесь: это самэц.

Несмотря на внушительные размеры, считается, что крысаки более спокойные, ласковые и общительные. У добросовестных заводчиков так и есть, потому что агрессивные животные в разведение не допускаются. А вот кры-сак, купленный на рынке, — это лотерея. Мы в нее уже несколько раз проигрывали, а вдвое большая крыса и кусается вдвое больнее.

Если крысодевочек нужно содержать хотя бы парой, то крысомальчики вполне могут обойтись обществом человека. Порой крысак сам уходит из стаи и ведет одинокую холостяцкую жизнь, ничуть от этого не страдая. И наоборот: подселение к мужской стае зачастую проходит быстрее и легче. У крысявок с иерархией все сложнее и серьезнее.



«Когда ж вы наконец на крысаков-то перейдете!» — с досадой восклицает Крысболит, когда мы виновато вываливаем ему на стол кучу крыс с испуганно выпученными глазами. Опухоли молочных желез — обычное дело как у рожавших, так и у целомудренных крысявок. Большинство из них хоть раз в жизни да посетили операционную — и не все из нее вышли... Крысаки же от этой напасти избавлены. Но я хоть и люблю ностальгически потискать чужого крысомужчину, все-таки верна крысявкам. С ними веселее. В отличие от ленивого, вальяжного крысака крысявка не станет спокойно сидеть у вас на плече: все облазит, все обнюхает, а если зазеваешься, то и прогрызет дыру в кармане халата, пытаясь добраться до забытого там конфетного фантика. К тому же крысак, как любой уважающий себя самец, стремится пометить каждый столбик, и чем обильнее, тем лучше. В период созревания это дополняется специфическим запахом, который

через пару месяцев пропадает, но еще долго мерещится в каждом дуновении ветерка. Впрочем, кобели и коты ароматически тоже отличаются от слабого пола не в лучшую сторону, однако их хозяев это не отпугивает.

Так что если вы хотите большую, ласковую и ленивую плюшку, которая будет дрыхнуть у вас на коленях кверху «фи», то есть пузом, то выбирайте крысака.

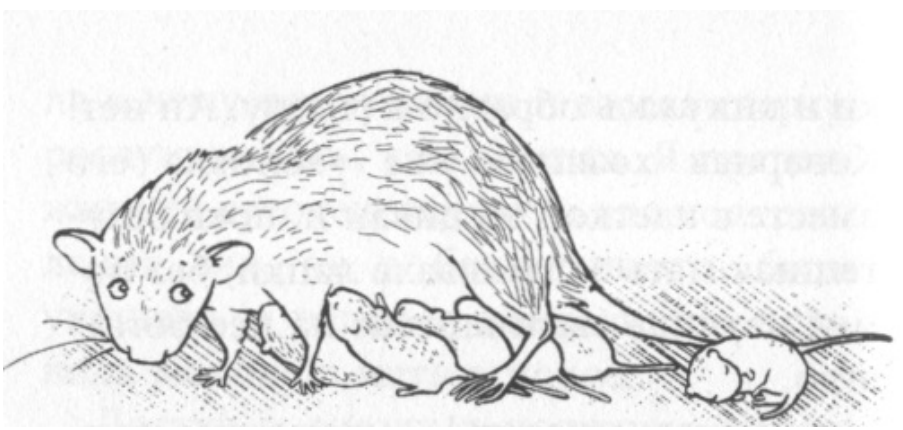
А если веселую стаю мелких поскакух и хулиганок — то крысявок.

P.S. На самом деле главное, от чего зависит успешный выбор «спутника жизни», — это характер конкретной крысы и конкретного хозяина. А пол уже дело десятое.

27. Мать-героиня

Как выяснилось, правильно развести крысу (даже при ее горячем желании) о-го-го как непросто. Во-первых, она должна быть подходящего возраста — от пяти до восьми месяцев, во-вторых — не мельче трехсот граммов, в-третьих — без наследственных, а в идеале и перенесенных заболеваний, в-четвертых — с хорошим характером, в-пятых — рожать ей дозволяется всего два раза в жизни. Родословные родителей изучаются Суровыми Минскими Заводчиками почище генеалогического древа царственных особ, не оставляя бедным животным ни малейшего шанса на мезальянс и свободную любовь.

Сама удивляюсь, как я умудрилась выклянчить-таки разрешение на вязку Весты!



Вернувшись из свадебного путешествия, крыса примерно неделю вела себя как обычно, а потом, под ехидные комментарии Суровых Минских Заводчиков, начала пухнуть как на дрожжах.

— Неужели рекорд питомника наконец будет побит? — возрадовалась СМЗ Аня, когда я сообщила, что ежеутренний привес крысы достиг двадцати граммов.

— А это сколько? — с тихой паникой уточнила я.

— Шестнадцать штук, — ревниво сообщила СМЗ Лиза, этот самый рекорд и установившая (в смысле своей крысой!) — А максимум у них может быть и двадцать пять!

— Весточка, — дрожащим голосом обратилась я к крысе, — а давай ты родишь мне всего пять? Ну ладно, шесть? Куда я их девать-то буду?!

Крыса посмотрела на меня как на психическую. С такими

объемами «шесть» она могла родить разве что котят.

К двадцатому дню Веста напоминала воздушный шарик с лапками и хвостиком. Взгляд у нее сделался недобрый-недобрый, как у Колобка, подзакусившего всеми лесными зверями и вернувшегося к бабушке с дедушкой. У крыс вообще очень портится характер во время беременности — самая спокойная начинает кусаться, самая трусливая — нападать. Не говоря уж об изначальных злюках.

Рожать крысе предстояло в отдельных апартаментах — пластиковой одноэтажной клетке с решеткой только сверху, чтобы крысята не попадали с полок, а когда подрастут — не пролезли сквозь стенки.

— А накануне родов ты должна свить ей гнездо! — обрадовала меня СМЗ Лиза.

— Это как? — опешила я.

— Нарви меленько-меленько салфеточек, сделай из них такой ободок... — начала деловито проводить мастер-класс заводчица.

— И сесть в них, подавая пример?! — фыркнула я.

— Ну, может, она сама догадается, для чего оно, — оптимистично предположила Лиза, и я приступила к работе.

Веста с подозрением следила за моими манипуляциями. Она явно сомневалась, что крысам положено нереститься в гнездах. Однако, видя мой энтузиазм, тоже воодушевилась и принялась строить гнездо. Только из тряпок и в общей клетке.

Гнезда мы закончили одновременно, минут через пятнадцать. Мое выглядело правильнее, зато Вестино — живописнее, и она не зря возмущалась и орала благим матом, когда я запихивала ее в роддом.

Два дня Веста сидела в нем, как узник совести, объявив бойкот алчущей крысят хозяйке. Но потом природа взяла свое.

Роды начались в обед. Веста пыхтела и топталась в гнезде, как курица-несушка, готовящаяся отложить первое в жизни яйцо, а потом под ней как-то неожиданно образовались сразу три крысенка, которых крыса с легким сомнением принялась вылизывать.

Увы, это оказалось только начало. Не закончив работы, мучимая потугами роженица снова закружила по клетке, присела в другом углу и отложила там еще пару детей. Едва их обнюхав, она снова сказала «ой!!!» и засеменила в третий угол, накрысячив и там. А потом и в четвертом, и в центре...

Крысенке на десятом Веста окончательно изнемогла. Не обращая внимания на рассыпанное по всей клетке потомство, она уткнулась лбом в стенку и обреченно закрыла глаза. Крысята

сыпались из нее, как какашки. Кучка под хвостом росла на глазах.

Зрелище было душераздирающее, я не выдержала и ушла пить чай, чтобы не нервировать страдалицу.

Когда через десять минут я вернулась, Веста уже очухалась, собрала детей в один угол, хозяйственно подгребла к нему все бумажки и засела сверху, распушившись, как наседка. Я предложила ей кусочек творожка для подкрепления сил, но в благодарность была укушена за палец и, обидевшись, оставила молодую мать в покое.

Доступ к гнезду я получила только на следующее утро, когда у Весты затекли лапы и вымя: крысята болтались на нем пиявками, не отрываясь, даже когда мать вставала на дыбы. Кое-как стряхнув потомство, крыса отправилась на прогулку — точнее, больше это напоминало крестовый поход против сил Зла. На осунувшейся Вестиной морде пропечатался классический послеродовый психоз: где-то рядом таятся враги и надо уничтожить их раньше, чем ироды найдут ее драгоценных детишек. Она забежала в общую клетку, нервно обнюхалась с подружками, заорала и бросилась на Паську, чуть та косо на нее посмотрела, энергично раскопала наполнитель, убедилась, что змей там нет, жадно напилась из поилки и кинулась обратно к гнезду. Ан нет! Коварная хозяйка уже уволокла его вместе с клеткой на диван и, пока безутешная мать заламывала лапки, без помех изучила свалившееся на нее богатство.

— Какая мерзость! — умиленно приговаривала я, перебирая попискивающих «креветок» — новорожденные крысята напоминают их как размером, так и цветом лысой шкурки. Искренне восхищаться ими способны только крысы и крысоводы.

Деток оказалось пятнадцать штук, все здоровые и накормленные — молоко просвечивало сквозь тонкую шкурку на брюшке. Кое-где прилипли кусочки салфеток, легко снимавшиеся послюнявленным пальцем. Налюбовавшись, я сложила крысят в обновленное гнездо (после родов часть салфеток была окровавленной и испачканной) и воссоединила мать с детьми. Почуяв родной молоковоз, крысята дружно запищали и присосались на прежние места. Троих опоздавших (сосков у крыс всего двенадцать) Веста тоже подгребла себе под брюхо — ожидать, пока кто-нибудь из первой очереди отвалится — и уставилась на меня волком.

— Весточка... — попыталась подлизаться я.

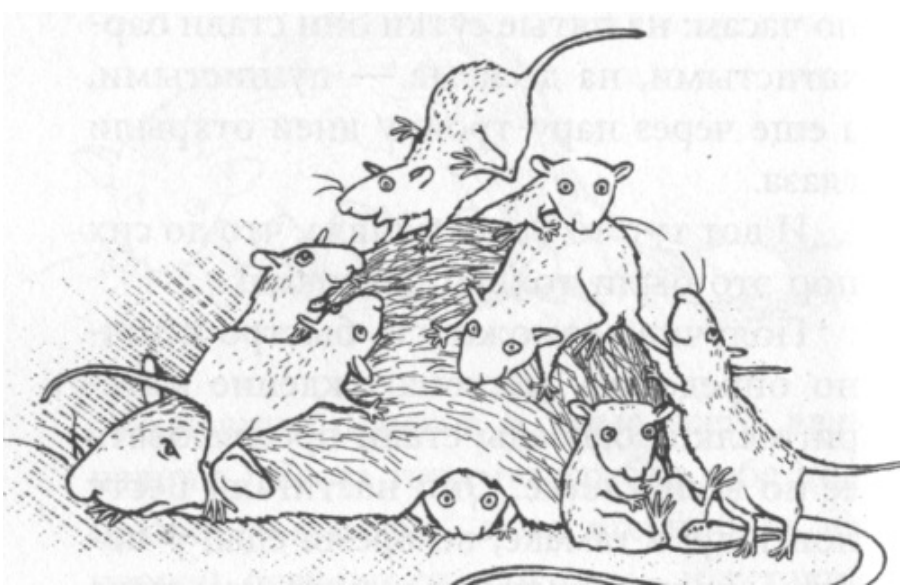
— Клац! — непреклонно сказала крыса, и я пошла заклеивать пластырем второй палец.

Следующие две недели паранойя Весты только крепла. Бедняжка безостановочно металась по крысовыгулу, то ли ища

место, куда можно перепрятать свое сокровище, то ли патрулируя территорию. А в роддоме ее тут же брали в оборот детки, растущие не по дням, а по часам: на пятые сутки они стали бархатистыми, на десятые — пушистыми, а еще через пару-тройку дней открыли глаза.

И вот тут-то Веста поняла, что до сих пор это были только цветочки!

Получив возможность быстро и точно определять местонахождение матери, мелкие оглоеды стали преследовать ее по всей клетке. Они настигали Весту повсюду: в гамаке, во время еды, у поилки, даже в лотке, и тут же намертво присасывались. Материнские чувства не выдержали такого испытания и стали быстро слабеть, а когда мелочь повадилась кататься на родительском хвосте и скакать по животу, как по батуту, окончательно сошли на нет.



В три недели я выгнала крысят в общую клетку. Весте стало полегче — хоть есть где спрятаться, зато старшие тетки взвыли. До пяти недель крысята считаются «неприкасаемыми», и даже вожак позволяет им делать что угодно. Чем паршивцы и паршивицы бессовестно пользовались, пытаясь добыть из Паськи молоко или хотя бы клочок шерсти. Бедный пасюк то и дело висел на потолке, считая оставшиеся до пяти недель часы, а юная поросль радостно скакала снизу, как стая голодных пираний.

К счастью, вскоре дети начали разъезжаться по новым домам. Но чтобы прийти в себя телесно и душевно, Весте понадобилось еще месяца три, и то прежней беззаботной девочкой она не стала:

заматерела, растолстела, на руки уже так охотно не шла, предпочитая день-деньской дрыхнуть в гамаке.

— Весточка, — с усмешкой говорю я, вытаскивая ее из клетки и сажая на плечо, — а представь, если б тебе их еще десять лет в школу, потом пять в институт...

Крыса содрогается и торопливо скатывается ко мне за пазуху.

P.S. Не вяжите крыс «для здоровья» и «радостей материнства». Это мифы. Роды подрывают крысиный иммунитет, портят характер и сокращают срок жизни. К тому же пристроить беспородных крысят не так-то просто.

28. Крысы и яйтсы

Самое трудное в деле заводчика — пристраивать крысят. Нет, вовсе не потому, что безумно их всех любишь и хочешь оставить себе. Да, они милашки-очаровашки, но когда их пятнадцать штук в метровой клетке, плюс взрослые, и они КИШАТ, а пристроить надо максимум до трех месяцев — потом они останутся с тобой навсегда, при малейшей оплошности с дверцами мужского и женского общежития преумножаясь в геометрической прогрессии... Брр.

— Оля! — позвонила мне радостная Лиза накануне отправки Вестиных детей в Москву. — У меня берут последних двух мальчиков, можно я их к тебе в переноску подкину?

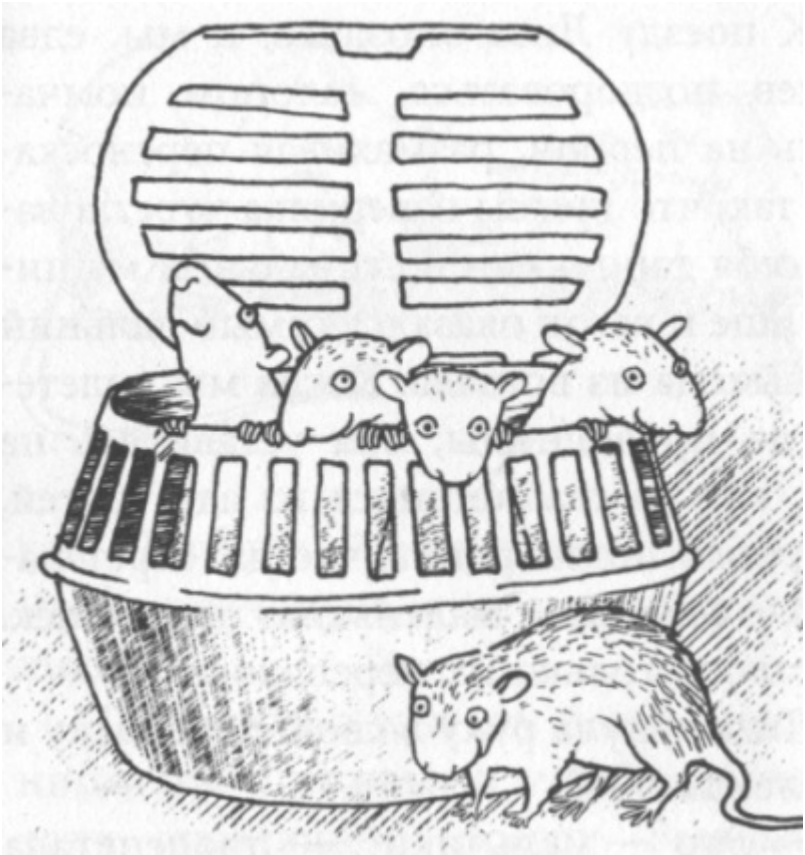
— Конечно, подноси к поезду, — согласилась я.

Отправлять крыс в другие города и даже страны — совершенно обычное дело. К нам и от нас едут крысята и в Питер, и в Новосибирск, и в Польшу, и в Литву, и, если очень повезет, на Украину — у них почему-то самые суровые правила ввоза-вывоза грызунов. Главное — договориться со знакомой проводницей.

К поезду Лиза опоздала, и мы, едва успев поздороваться, галопом помчались на перрон, размахивая переносками так, что крысы наверняка чувствовали себя тапочками в стиральной машине. Еще и вагон оказался самый дальний от выхода из вокзала. Когда мы долетели до проводницы, она уставилась на нас, как на свалившихся из ада чертей, но робко подтвердила, что да, берет наших славных маленьких зверюшек. Осталось только их перепаковать.

Лиза сунула руку в свою переноску и извлекла ЭТО.

— Это — мальчики?! — пролепетала я, обозревая здоровенного, больше Паськи, крысака, который покорно болтался у Лизы в руке, застенчиво свесив яйтсы богатырского размера.



— Ну, переросли слегка, — согласилась Лиза. — Но ничего, они ласковые!

И сунула крысака в мою переноску, следом достав из своей еще большего.

В переноске тут же поднялись писк и копошение. Я красочно представила, как Лизины «мальчики» пожирают моих, причем не жуя, а заглатывая целиком.

Поспешно сунув эту бомбу проводнице, мы с лживыми улыбками помахали отходящему поезду. Выражение лица ни в чем не повинной женщины и особенно ее глаза еще долго будут мучить меня в кошмарных снах и даже в бессонницу, когда к человеку приходит его нечистая совесть.

— Господи, — тоскливо сказала я, — а что скажут хозяева моих крысят, когда им торжественно вручат обглоданные скелетики? Привет из Минска от адских крысоводов...

— Да ну, все хорошо будет! — фальшиво утешила меня Лиза. — Куда им в такой обстановке кусаться...

С моей точки зрения, в такой обстановке им только кусаться и оставалось. Я б не удивилась, если б даже проводница нас

покусала.

...Утром я забросала встречающую крыс подругу эсэмэсками и с огромным облегчением узнала, что крысы доехали в полном комплекте, а также мире и согласии — не считая укуса на одном из Лизиных крысаков. Из чего следует, что большие яйтсы в мужчинах — не главное! Главное — мужество.

P.S. Разделять крысавиц и крысавцев необходимо уже в четырехнедельном возрасте. Иначе есть риск сделать их маму бабушкой — а то и повторно мамой.

29. Газовая атака

— Мышки-вонючки! — ласково называет СМЗ Лиза свое крысостадо.

На самом деле крысы крысами практически не пахнут. Более того, они как губки впитывают окружающие запахи, будь то сено, чистая подстилка или хозяйские духи. На выставках даже конкурс есть: узнай свою крысу по запаху. Почти никто не ошибается.

Так что если крысявка стала мышкой-вонючкой, то это сигнал, что пора чистить ее клетку. А крыса живо отчистится сама — за своей лоснящейся шкуркой она ухаживает тщательнее кошки, постоянно что-то там вычесывая, вылизывая и выкусывая. А заодно помогает с туалетом больным или пожилым подружкам и малышам.

Но, как говорится, и на старуху бывает проруха.

Однажды СМЗ Лиза попросила меня съездить в ветстанцию за справкой на двадцать пять крыс сразу — минский питомник полным составом выезжал на московскую выставку. Я, не чуя подвоха, согласилась и, запихнув своих крысавиц в переноску, с утречка заехала к Лизе... где в салон моей маленькой машинки были утрамбованы еще две переноски и клетка в сумке.

Крысы испугались и стали вонять. Под хвостом у них имеется некая железа, которая при стрессе окутывает кры-сявку весьма специфическим духом (кстати, именно из-за этого кош-ки-крысоловки очень редко едят свою добычу). Особенно могуча в этом отношении пятнистая Яшма, прибывшая к нам из питерского питомника. Первые две недели она изображала скунса, даже если ее просто вытаскивали из ее клетки. Потом крыса пообвыкла и перестала расходовать «духи» направо и налево, но прозвище Яшка-какашка от нее так и не отлипло.

Двадцать пять Яшек-какашек в малолитражной машинке заставили меня открыть оба окна уже через три минуты. Крысы воняли не на жизнь, а на смерть. Видно, они решили, что их везут на корм какому-то хищнику, и задались целью не просто отбить ему аппетит, а довести до кончины от бронхо-легочного спазма.

Высунув голову в окошко, я подрулила к ветстанции, навьючила на себя все сумки (рюкзачок с документами пришлось нести в зубах) и ногой открыла дверь в приемную.

Две собаки, до сих пор чинно сидевшие рядом с хозяевами, в ужасе забились под стулья, а престарелая кошка на руках у бабки вздыбилась и страшно зашипела.

— Хто пошледний? — жизнерадостно вопросила я, сплевывая рюкзак на стул, а сумки на пол.

Запах пополз по приемной, как метан из открытой газовой колонки. Вся очередь дружно перешла на ротовое дыхание.

— Я, — прохрипела девушка с волнистым попугайчиком. Попугайчик, и без того нахохленный, закатил глаза и пошатнулся на жердочке. — А что там у вас?

— Крысы, — гордо сообщила я. — Двадцать пять штук!

— О боже, — прошамкала бабка и уткнулась в кошку, пытаясь дышать сквозь нее.

— Они просто нервничают, — виновато пояснила я. — А обычно они почти совсем не пахнут!

Очередь дружно уставилась в потолок. Пропускать меня вперед им было жалко, ждать, пока я дождусь своего времени, — невыносимо, выгнать вон — некрасиво.

Аромат мощно и неумолимо распространялся во все стороны. Ветеринар, выскочивший из кабинета покурить, резко передумал и нырнул обратно.

Очередь двигалась быстро — подозреваю, что во многом благодаря нам. Более того — она почти не прирастала, потому что народ заглядывал в приемную, принюхивался, нервно сглатывал и бормотал: «Мы лучше снаружи постоим!»

Наконец меня пригласили в кабинет — под хоровой вздох облегчения. Один дяденька даже помог мне донести сумки, лишь бы поскорее избавиться от душистого соседства.

Сидящая за столом девушка-ветеринар поспешно надвинула на нос марлевую повязку, до сих пор халатно болтавшуюся у нее на шее.

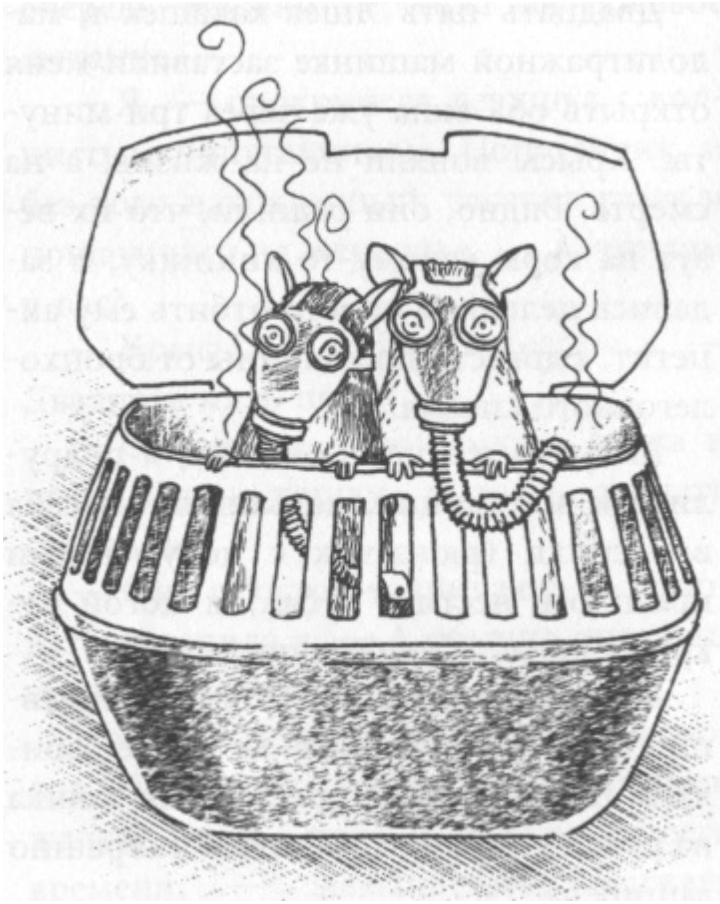
— Мне бы справочку для выставки, — попросила я, трепеща ресницами и чувствуя себя законченной бомжихой, которая заявилась в магазин за плодово-ягодным вином и изо всех сил пытается изобразить приличную женщину.

— Несите их в смотровую, — пробубнила ветеринар, не поднимая от журнала слезящихся глаз.

— Всех? — уточнила я, давая девушке шанс для отступления.

Та побледнела, но стиснула зубы и кивнула.

Мы затащили сумки в метровый закуток с ультрафиолетовой лампой и закрыли за собой дверь. Окончательно деморализованные крысы поднатужились и выдали такой залп, что свет слегка померк, а когда я открыла крышки узилищ, принялись разбегаться и распрыгиваться во все стороны, как мухи из деревенского сортира. Я упихивала их обратно, бирюзовые тени от дрожащей в руке ветеринара лампы метались по стенам, и я очень боялась, что несчастная девушка сейчас брякнется в обморок. И кого мне тогда ловить — ее, лампу или крыс?!



Но, к счастью, ветеринар с честью выдержала испытание. Лишая на крысах не оказалось, а с газовым оружием на выставку, как ни странно, пускали.

Потом мне пришлось еще минут десять посидеть в кабинете, пока девушка заполняла справку и выписывала чек. Второй ветеринар «незаметно» открыл окно и встал у него, якобы любуясь природой.

Сумма оказалась не круглой, с какими-то копейками.

— Сейчас я вам мелочь найду, — пообещала я, роясь в карманах.

— Не надо, хватит и этого, — поспешно пробормотала девушка. — До свидания, всего вам доброго!

Когда я уже выходила из ветстанции, пытаясь продернуть через дверной проем четыре сумки разом, за спиной у меня раздался совершенно отчетливый мужской шепот:

— Нет, дорогая, мы НИКОГДА не купим нашему ребенку крысу!

По-моему, настолько успешной антикрысиной акции минский

питомник еще не устраивал.

P.S. Суровые Минские (и не только) Заводчики возмущенно открещиваются от такого поклепа на своих любимцев, обвиняя меня в склонности к художественным преувеличениям. Но двадцать пять испуганных крыс в замкнутом пространстве — это все-таки жестоко!

30. Великокрысиный пост

— Толстая крыса — это состояние души! — наставительно изрекла СМЗ Аня, когда я пожаловалась, что после родов Веста не только не собирается возвращать себе девичью стройность, но, похоже, готовится к состязаниям по крысиному сумо.

Увы, меня куда больше тревожило состояние Вестиного тела. Оно пухло во все стороны, как дрожжевой пирожок с начинкой — а начинялась Веста с утра до глубокой ночи. Она первой вылетала на хозяйский зов и бульдожьей хваткой вцеплялась в любую еду или пахнущие ею пальцы. Крысы умеют сильно и при этом безболезненно стискивать зубы (так они переносят крысят), однако убедить ее разжать их было непросто.

— Веста! — тоскливо выла я, пытаясь отвоевать свою плоть у жирной крысиной прищепки. — Ты же скоро лопнешь!

Веста полагала подобную кончину весьма достойной и налегала на еду с удвоенным энтузиазмом. Остальные крысявки тоже не жаловались на худобу, но на фоне Весты казались анорексичными фотомоделями. И вот, когда весы, сдавленно крякнув, показали шестьсот граммов (при нормальных триста — четыреста), мое терпение лопнуло.

— Все! — объявила я, ставя на место так и не открытую банку с мясным детским питанием. — С этого дня садишься на диету!

Садить, разумеется, пришлось всю стаю — запирать общительную толстушку в карцере было слишком сурово. Отныне миска наполнялась сухим кормом только раз в день, порция йогурта урезалась вдвое, а главное, из рациона обжор исчезли сухарики-печеньки-орешки, которыми сердобольная хозяйка подкармливала «бедолаг» с утра до вечера. Взамен я увеличила порцию овощей и фруктов.

Крысы, привыкшие к режиму «поспали — теперь можно и поесть, поели — теперь можно и поспать!», с изумлением обнаружили, что на голодный желудок сон к ним не идет. Уже к вечеру первого дня они непривычно деятельно сновали по крысовыгулу, выискивая заныканные на черный день припасы.

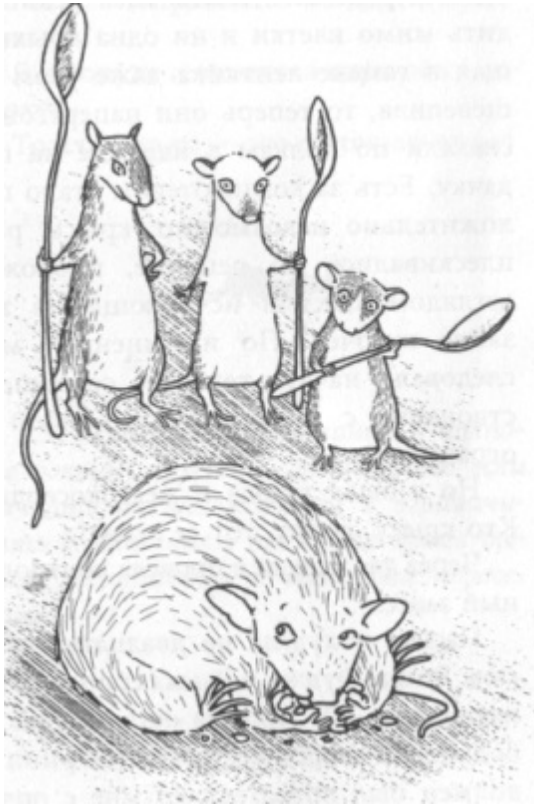
Через два дня все заначки в домиках и коробках были подъедены подчистую.

Через три дня крысы открыли для себя овес и пшеницу, которые обычно оставались в миске. Теперь там оставалась только шелуха, и надо было видеть, с какими скорбными мордами крысявки в ней ковырялись!

Йогурт исчезал за пять минут.

Яблоки, которые крысы прежде принимали за затейливый

декор, к утру усыхали до полупрозрачных шкурок.



Если раньше я могла весь день ходить мимо клетки и ни одна дрыхнущая в гамаке лентяйка даже усом не шевелила, то теперь они наперегонки скакали по полкам в надежде на подачку. Есть за компьютером стало положительно невозможно: крысы расплескивались по решетке, провожая взглядом каждый исчезающий в хозяйке кусочек. По их мнению, мне следовало начать телесное совершенствование с себя, а лучше собой и ограничиться.

Но я была тверда и жестокосердна. Кто крысу любит, тот ее губит!

Через две недели я провела контрольный завес.

Паська похудела на двадцать граммов. Белка, Фуджи и Рыска сбросили по пятнадцать. От Холеры остались такие большие и скорбные глаза, что Гринпис должен был ворваться ко мне с ордером на арест и в суде настаивать на пожизненном заключении.

Веста... поправилась на десять граммов.

Я плюнула и засыпала кормушку доверху.

Толстая крыса — это состояние души!

P.S. Одни крысявки склонны к полноте больше, другие — меньше. Но если пичкать их лакомствами и ограничивать в движениях, то любая крыса быстро раскормится до состояние поросеночка.

31. Радуга

«Не завожу крыс, потому что они мало живут» — любимый и, с моей точки зрения, очень странный аргумент противников крысообзаведения.

Крысы действительно живут мало. Два с половиной, от силы три года. Если очень-очень повезет — четыре. Но за это время они успевают подарить человеку столько любви, радости и веселых минут, что отказываться от них из страха скорой потери — непростительная ошибка.

В природе редкая крыса доживает до года, и большинство из них самцы — самки истощаются родами и умирают раньше. Мы

же продлеваем их век в два-три раза. Поэтому смерть любимой крысы — трагедия для хозяев, но не для нее. Она успела в полной мере насладиться длинной, сытной и интересной жизнью, выполнив свое предназначение в этом мире. Крысы как никто другой учат ценить каждый прожитый день — и распоряжаться им так, будто он последний.

Когда какая-нибудь из крысявок уходит на радугу, Суровые Минские Заводчики собираются на «совещание питомника», пьют чай, тискают крыс и рассказывают байки о своих стаях. Тогда смириться с утратой становится намного легче. Le rat est mort, vive le rat!1

Крыса умерла, да здравствует крыса! (фр.)

Краткий словарь Сурового Минского Заводчика

Агути (Agouti) — «дикий» окрас. В справочниках описывается скучным словом «серый», но на самом деле ры-же-черный, роскошно золотящийся на солнце, с сизым пузом. Крыса-агути совсем необязательно дикий пасюк, но дикий пасюк всегда агути.

Амбер/фавн/топаз (Amber/Fawn/Topaz) — ярко-рыжие окрасы крыс. Отличаются нюансами, известными только крысоводу, достигшему полного просветления.

Беркшир (Berkshire) — крыса с белым животом и в белых носочках.

Блейз (Blazed) — составная часть маркировки. Сам по себе блейз — это белый клинышек на крысиной морде, однако блейзовая крысявка, в отличие от хаски, с возрастом не перецветает. Блейз всегда сочетается с какой-либо другой маркировкой, обычно с берк-широм.

«Вагончики». У крыс и так плохое зрение, а с обладателями рубиновых глаз совсем беда. Неподвижные предметы они видят хуже всего и, чтобы это компенсировать, покачивают головой, а то и всем телом — «считают вагоны», «змеят». Это не дефект и не болезнь. Покачайтесь в ответ, крыса вас наконец разглядит и тут же остановится.

Гималайский/сиамский/бурмиз (Himalayan/Siamese/ Burmese) окрасы — однотонная крыса с более темными отметинами (пойнтами) на морде, лапах, ушах и попе/хвосте. Гималайцы практически белые, сиамы ближе к кремовому, бурмизы нежно-коричневые.

Дамбо (Dumbo) — разновидность, названная в честь мультипликационного слоненка Дамбо, обладателя огромных чудо-ушей. У этих крысявок ушки не на макушке, а по бокам головы и кажутся больше, чем у сородичей-стандартов. Дамбочки выглядят очень трогательно и умело этим пользуются.

Дварф — карликовая крыса. Никто из Суровых Минских Заводчиков ее пока не видел, но, судя по справочникам, где-то она определенно существует. Представляет собой разновидность обычной крысы, ценную по большей части тем, что в одну клетку их поместится больше.

Доминант — Главная Крыса. В стае их может быть несколько, но один са-мый-самый. Вожака в понятии «предводитель»,

«командир» у крыс нет, но доминанта остальные крысы боятся, уважают и всячески к нему подлизываются.

Игра «фкрысу» — любимая крысиная забава: сначала рука ловит крысу, потом крыса ловит руку. Причем крыса изо всех сил изображает, как ей страшно и как она страшна: прыгает, попискивает и шумно носится туда-обратно. Молодые крысы очень шаловливы и с удовольствием дурачатся друг с другом и хозяином.

Кепка (Capped) — маркировка. «Кепочка» обладает белой тушкой и цветным «капюшоном» (кепкой) на голове и шее.

Колби — палочка, облепленная зернышками. Придумана хитрыми производителями кормов, чтобы раскошелить хозяев. Крысы грызут ее, только если в миске пусто. Впрочем, годится в дорогу или на выставку.

Лонгхайр (LongHair) — длинношерстная разновидность декоративных крыс. Зверушка милая (если вам милы растрепанные ершики), но шерсть на ней приделана не очень прочно, а кожа тонкая и легко травмируется.

Лоток — важная деталь интерьера клетки. Крысы ходят в него по-боль-шому, а самые ответственные это большое даже закапывают, как коты. Главное, не промахнуться с наполнителем: кукурузный или мелкий древесный куда больше вдохновляет крыс на гигиену, чем минеральный. К тому же летом в жару на нем очень приятно вздремнуть.

Маркировка — расположение на крысе белых и цветных участков, умиляющее владельцев: «У моей крысы белый носик и белые лапки!» и зачастую огорчающее заводчиков: к сожалению, природа рисует на крысах узоры не под линейку, игнорируя выставочные стандарты. Насчитывается более двадцати стандартизированных видов маркировок.

Минеральный камень — крыс интересует только известковый вариант, солевой им без надобности. Если в известке будут зернышки, совсем хорошо: и полезно, и весело грызть.

Минк (Mink) — окрас. Дословно «норковый» — тепло-коричневый с голубоватым отливом. На шубу, увы, не годится: крысиный мех рыхлый и неноский.

Окрас— цвет крысы. «Базовая комплектация» — окрас агути, однако благодаря селекционной работе получена богатая цветовая крысогамма — от белых до голубых и сиамских. Что в сочетании с маркировками дает огромное разнообразие крысиной внешности.

Пасюк — серая крыса, прародитель всех декоративных крыс.

Правильное питание — покупной крысиный корм либо самомес из зерен, сухофруктов, семечек и орешков; овощи (за

исключением свеклы, вызывающей расстройства), фрукты, ягоды, сухарики, отварное нежирное мясо, рыба, яйца, каши, кисломолочные продукты, зелень.

Рекс (Rex) — одна из кучерявых разновидностей декоративных крыс. В детстве радуют владельцев плотными красивыми завитушками, но с возрастом «вытираются» и становятся малость облезлыми.

Селф (Self) — «нулевая» маркировка: вообще без белых отметин, допускаются только вкрапления белых волосков по всей крысе (Silvered, серебристость) и белые кончики пальцев (но за это снимаются баллы на выставках, а к self добавляется слово mismarked — неправильная маркировка).

Стандарт (Standart) — крыса с обычными (торчком) ушами и/или обычной (гладкой) шерстью.

Фазз (Fuzz) — практически голая разновидность крыс. Не путать со сфинксом, полностью лысой крысой! Фазз покрыт нежным тонким пушком и очень приятен на ощупь: горяч и шелковист. С непривычки кажется страшным, но потом от него не оторваться.

Хаски (Husky) — маркировка. Крысята хаски практически не отличаются от своих сверстников (разве что белый клинышек на носу наводит на размышления), а с возрастом начинают «перецветать», «седеть» — основной окрас прореживается белыми шерстинами. В идеале должен получиться «перец с солью» — 50/50 окрашенных и белых волосков, однако большинство хасок месяцам к трем-четырем становятся практически белоснежными. За что им позор и общественное порицание.

Циннамон (Cinnamon) — окрас. Дословно «коричный». Красновато-коричневый, с вкраплениями золотистого и серо-коричневым подшерстком. Живот светлее спинки, серебристо-серый. Отчасти напоминает агути, постиранного с отбеливателем.